

ПАВЕЛ БАСИНСКИЙ
ПОСМОТРИТЕ НА МЕНЯ
• ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ ЛИЗЫ ДЬЯКОНОВОЙ •

Литературные биографии

Павел Басинский

**Посмотрите на меня. Тайная
история Лизы Дьяконовой**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Басинский П. В.

Посмотрите на меня. Тайная история Лизы Дьяконовой /
П. В. Басинский — «АСТ», 2017 — (Литературные биографии)

ISBN 978-5-17-982679-8

1902 год. Австрия. Тироль... Русская студентка Сорбонны Лиза Дьяконова уходит одна гулять в горы и не возвращается. Только через месяц местный пастух находит ее тело на краю уступа водопада. Она была голая, одежда лежала рядом. В дорожном сундучке Дьяконовой обнаружат рукопись, озаглавленную “Дневник русской женщины”. Дневник будет опубликован и вызовет шквал откликов. Василий Розанов назовет его лучшим произведением в отечественной литературе, написанным женщиной. Павел Басинский на материале “Дневника” и архива Дьяконовой построил “невымышленный роман” о судьбе одной из первых русских феминисток, пытавшейся что-то доказать миру...

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-17-982679-8

© Басинский П. В., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Предисловие. Почему она была голой?	6
Часть первая. Гадкий утенок	10
Дневничок	10
Проклятие Дьяконовых	13
«Крейцера соната»	17
Урод	18
Предмет первой необходимости	21
Бабушки	26
Толстой и Кронштадтский	29
В тюрьме	35
Шарлотта без Вертера	38
Сестры	43
Империя чувств	48
Месть матери	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Павел Басинский

Посмотрите на меня. Тайная история Лизы Дьяконовой

© Басинский П.В., 2018

© Бондаренко А.Л., художественное оформление, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Бьется лебедь средь зыбей,
Коришун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет.
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый наострил.*

А. С. Пушкин

Предисловие. Почему она была голой?

В августе 2004 года я бродил по центру столицы и зашел в книжный магазин “Москва” на Тверской. На стенде, где выложены мемуары и биографии, я увидел книгу: Елизавета Дьяконова. Дневник русской женщины. – М.: Захаров, 2004.

Меня привлекла фотография на обложке. В этой девушке было что-то от Мадонны и кающейся грешницы. Рассыпанные по плечам длинные волосы вызвали в памяти стихи византийской монахини Кассии о блуднице, которые исполняются в православных церквях в Великий пост: *“Отпусти мои грехи, как я распустила свои волосы”*.

Но замечательнее всего был взгляд этой девушки. Когда мы говорим “декаданс”, то обычно понимаем под этим нечто изящное, утонченное. А декаданс – это упадок, болезнь. У Елизаветы Дьяконовой был больной взгляд. Очень тяжелый. И непреклонный. Было件件но, что эта девушка во всем пойдет до конца... Глядя на это фото, я сказал себе: “Вот портрет русского декадентства”.

Книгу я прочитал быстро, как говорят в таких случаях, запоем. Есть великие женские дневники. Например, дневник жены Л. Н. Толстого Софьи Андреевны. Есть женские дневники, без которых нельзя представить определенную эпоху, – дневник Елены Штакеншнейдер, этой удивительной горбуны, умницы, хозяйки литературного салона XIX века. Бывают женские дневники – как драгоценные камни. Они нуждаются в оправе, и она для них создается. Таков дневник художницы Марии Башкирцевой. Вокруг него сразу после его появления в печати стала возникать “атмосфера”. Марина Цветаева посвятила Башкирцевой свою первую книгу стихов. Иван Бунин, возможно, использовал ее образ при написании рассказа “Легкое дыхание”. Этот дневник заворожил художественную богему рубежа веков, стал одним из главных событий Серебряного века.

Есть женские дневники, после прочтения которых болееешь, а потом по-другому смотришь на жизнь, – “Блокадный дневник” Ольги Берггольц. А бывают женские дневники, злые к эпохе и людям, но точные в каких-то оценках, на которые не решился бы ни один мужчина, – дневник Зинаиды Гиппиус.

В любом случае женские дневники – это особого рода *литература*. Они сильно отличаются от дневников, написанных мужчинами. Женский дневник – это всегда куда более индивидуальный “случай”, нежели мужской дневник. Возможно, это происходит потому, что женский дневник отличается двойной рефлексией. Автор дневника по определению мужчина, так же, как сам дневник – мужского рода. Другое дело – записки. Они кокетливо прячут свой женский род во множественном числе. Дневник – серьезен и благороден. Записки – болтливы и необязательны. Записки – личное дело, а с дневником возникают определенные “отношения”. Дневник – это “друг”, “спутник”, на худой конец – “приятель”. Но не “подруга” и не “приятельница”. Это – “он”, с кем делишься самым сокровенным. Самыми сильными, глубокими переживаниями.

О том, почему женщине это делать труднее, можно долго говорить, но нельзя рассуждать об этом вообще. Вообще можно предъявлять общие требования – объективности, достоверности и т. п. Но, поверьте, эти требования совершенно бессмысленны в отношении дневников – неважно, женских или мужских. Дневник не про это.

Да, конечно, дневник может служить свидетельством об эпохе и людях, но считать его настоящим документом эпохи может только наивный читатель. Скажу даже, что чем более достоверным и убедительным вам покажется такой “документ”, тем с большим подозрением нужно к нему относиться. И наоборот: самые правдивые дневники – те, что при первом чтении вызывают оторопь и сопротивление: нет, так не бывает! это неправда! Если вы сразу поверили тому, что написано в дневнике, не сомневайтесь: вас обманули.

Дневник Елизаветы Дьяконовой я перечитывал много раз: и в сокращенном “захаровском” варианте, и в полном издании В. М. Саблина 1912 года, которое сделал брат Елизаветы Александр Дьяконов, писатель и актер со сценическим псевдонимом Ставрогин. Я не понимал, что со мной происходит, но в течение 12 лет я постоянно возвращался к этому дневнику. Это было какой-то манией, болезнью. Тогда я стал рассказывать историю жизни Дьяконовой знакомым. И убедился, что в сухом пересказе содержимое дневника им представляется не слишком интересным, в то время как мне оно казалось захватывающим, почти детективным!

Елизавета Александровна Дьяконова родилась 15 августа 1874 года в Нерехте Костромской губернии в небогатой купеческой семье. Лиза была старшей. После появления пятого ребенка семья лишилась отца. Вдова, мать семейства, вынуждена была продать дело покойного мужа и переехать в Ярославль к своим родственникам. Лиза училась при Сиротском доме в одной из лучших в Ярославле женских гимназий. Кроме того, ее обучали гувернантки и домашние учителя, благодаря чему она прекрасно знала французский язык и познакомилась с литературой, скажем так, не вполне отвечающей ее возрасту и нравам провинциального купечества. Мечтая о продолжении образования, Елизавета вопреки воле матери поступила на Высшие женские Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге, закончила их и отправилась в Париж. Два года она проучилась на юридическом факультете Сорбонны. В это время она безнадежно влюбилась в своего психиатра, который лечил ее от мучивших головных болей и быстрой утомляемости. Это было то ли результатом ее чрезмерного умственного и нервного напряжения, то ли последствием “греховной болезни”, возможно, наследственного сифилиса, доставшегося ей от покойного отца. Однако, несмотря на постоянные недомогания, девушка строила большие планы на будущее. Она хотела стать писательницей и активисткой женского движения, которое уже зародилось в России по примеру Англии и Франции. Но судьба сыграла с ней злую шутку. Летом 1902 года, в возрасте 27 лет, Дьяконова поехала на каникулы в Россию, собираясь в “милую Нерехту”, в тишине, подготовиться к экзаменам за второй курс. По дороге она завернула в Тироле, где в это время отдыхали ее родная тетка Евпраксия Оловянишникова, богатая вдова знаменитого ярославского купца, ее дочь и муж дочери, еще не известный поэт Юргис Балтрушайтис. Здесь, в австрийском Тироле, в окрестностях неописуемой красоты озера Ахензее, случилось несчастье. Лиза одна пошла в горы в ненастную погоду и не вернулась. Ее безуспешно искали целый месяц, уже понимая, что найдут мертвое тело, но и его не могли найти и терялись в догадках. Наконец, тело девушки обнаружил случайный пастух на уступе водопада, причем рядом с гостиницей, из которой Дьяконова ушла в горы.

И здесь – внимание! Тело было совершенно *голым*, а одежда лежала невдалеке аккуратно связанным узлом. Это последнее обстоятельство всех поразило даже больше, чем само исчезновение Елизаветы и ее гибель.

Чего не случается в горах с неопытными людьми... Возможно, это был несчастный случай. Может быть, она покончила с собой из-за неразделенной любви или своей болезни. Но почему она была *голой*? Предположить, что она решила искупаться, нельзя. По достоверным данным, в горах в это время выпал снег, и температура была не выше +1°.

И вот, передавая знакомым историю Дьяконовой, я обратил внимание на то, что рассказывать ее необходимо с конца. И даже не с момента гибели девушки в горах, а со случайного нахождения ее тела. Но это, как вы понимаете, не отражено в дневнике, который был обретен после ее смерти и впервые опубликован братом в 1904 году в журнале “Всемирный вестник”. Если между дневником и гибелью есть какая-то связь (в конце дневника Дьяконова обещает покончить с собой), то загадочные обстоятельства нахождения ее тела уж никак не связаны с дневником. Между тем именно они волнуют больше всего. Картина *голой мертвой девушки на краю горного водопада* вызывает гораздо больше вопросов, нежели любые подробности ее жизни, отраженные в дневнике.

“Почему она была голой?” – этот вопрос задавали мне все. Никто не спрашивал: почему Дьяконова так рвалась на Бестужевские курсы? Почему ее мать была против этого? Зачем поехала учиться в Париж? Как ее угораздило влюбиться в своего психиатра? Зачем пошла в горы одна? Не покончила ли с собой?

Почему она была голой?!

Дело в том, что все происходившее с ней до этого момента не просто объяснимо, но и в известной степени типично. Ничего удивительного, что провинциальная русская девушка конца XIX столетия мечтала об образовании. И, разумеется, девушке было трудно. Ее не понимали родственники, потому что она была девушкой и, по их представлениям, прежде всего невестой. Да, она смогла “выломиться” из своей среды, как говорили тогда. И даже поступила в Парижский университет. Еще и на юриста, что было в то время большой смелости шагом, даже для Франции.

Влюбилась в лечащего психиатра – ну, это уж совсем не удивительно. Скорее было бы странно, если бы она в него не влюбилась. В 26 лет, не имея ни мужа, ни жениха. С проблемной психикой. Как ей было не влюбиться в того, кто внимательно выслушивал ее жалобы и все же как-то ей помогал?

Пошла в горы одна, в плохую погоду. Хотя родня отговаривала. И тут все понятно. Скорее было бы странно, если бы ее уговорили. Ее родная мать не смогла уговорить не ехать в Петербург. А тут какие-то горы. И чтобы она их послушалась?

Несчастный случай в горах – частое явление. Был туман, заблудилась, упала с обрыва, пусть и невысокого, сломала ноги, болевой шок, разрыв сердца, смерть...

Страдала от безответной любви, не выдержала и покончила с собой, прыгнула с обрыва...

Почему она была голой?!

Сегодня мне становится даже смешно, что я столько лет не решался признаться самому себе в простой вещи. Именно вот этот, последний, поступок Лизы Дьяконовой и был *главным* в ее жизни. Все остальное было, разумеется, важным, серьезным и очень значительным с точки зрения изучения данной эпохи и конкретно – судьбы этой сложной девушки. Так и писала о дневнике Лизы русская критика, когда он вышел и вызвал целый шквал статей. Но ни один из этих критиков, даже умнейший Василий Васильевич Розанов, не решился задать один убийственный вопрос. Что было бы, если бы Дьяконова не погибла в Тироле, благополучно доехала до России и попыталась сама опубликовать свой дневник?

Что, если бы “Дневник русской женщины” (как она сама еще робко и не окончательно называет парижскую часть своей рукописи) был принесен в редакцию “Всемирного вестника” не братом русской девушки, *погибшей в горах Тироля и найденной совершенно голой на краю уступа водопада*, а самой студенткой Сорбонны Елизаветой Дьяконовой? Да, возможно, его бы и опубликовали. Но заметили бы?

Но представим себе и другой вариант. Пусть бы она и погибла и даже покончила с собой. Это было частое явление в те годы, когда девушки кончали с собой не только из-за несчастной личной жизни, но и как бы в знак протеста против своего бесправия в обществе. После “Бедной Лизы” Карамзина и Катерины в “Грозе” Островского женская эмансипация в России проделала большой путь, в том числе в суицидальном плане. От времени до времени в газетах появлялись статьи о купеческих дочках, насильно выданных замуж и наложивших на себя руки сразу же после венца. Что нового сказала бы Лиза своим самоубийством?

Возможно, поэтому брат покойной, поначалу склонявшийся к версии самоубийства сестры, в предисловиях к отдельным изданиям дневника методично доказывал, что это был не суицид, а именно *несчастный случай*.

Да, если бы она покончила с собой, это была бы более чем странная история... Разделась, связала все вещи в узел и прыгнула ногами вниз с небольшой высоты...

Согласно полицейским протоколам и результатам вскрытия, на теле не было обнаружено никаких механических повреждений, кроме переломов ног в области голеностопа. Если Лиза не умерла немедленно от болевого шока, она должна была мучиться долго и ужасно! К счастью (если можно так говорить о смерти), она едва ли не умерла сразу, потому что в противном случае нечеловеческие вопли Лизы услышали бы из гостиницы.

Брат Дьяконовой приложил немало стараний, чтобы посмертная слава сестры не была связана ни с самоубийством, ни с сумасшествием. Для полного издания ее дневника он написал обширную статью “Смерть Е. А. Дьяконовой”, где выдвинул свою версию события. Лиза, заблудившись в горах, решила вернуться обратно кратчайшим путем по руслу ручья, который, как она знала, приведет к гостинице. Но ручей в конце склона обрывался уступами водопадов. Желая проделать этот крутой путь, девушка разделась до нижнего белья, чтобы не путаться в длинных полах женского платья, а всю одежду связала в узел и несла с собой.

Версия Дьяконова, на первый взгляд, выглядит весьма убедительной. Наконец, кому, как не ему, было знать характер своей родной сестры? Но все его соображения вступают в противоречие с одним обстоятельством: в горах было *очень холодно*. Чуть выше или ниже 0 °. И еще – выпал снег.

Согласно полицейскому протоколу, в узле был найден башмак Лизы с правой ноги (“ботинка из черной кожи”). Вторая “ботинка” лежала в метре от узла и, скорее всего, выпала из него. Итак, по версии брата, Лиза спокойно разделась и разулась и босой и раздетой (полуодетой) отправилась в путь. Во-первых, она заоченела бы от холода, еще не связав свой узел. Во-вторых, по пути изранила бы ноги в кровь. Но можно предположить, как это и делает брат, что Лиза просто решила перейти ручей в одном месте в надежде, что на другой стороне тропа не будет такой крутой. И там собиралась одеться, обуться и продолжить спуск. В таком случае можно подивиться ее спокойствию и бережливости! Да, но почему ее нашли *совершенно* голой? Так сказано в полицейском протоколе: “совершенно голое тело”.

Но я не буду оспаривать версию брата. В конце концов, у него больше прав именно так, а не иначе трактовать поведение сестры в исключительной ситуации. Возможно, было так, как он пишет. Возможно, были правы те, кто первыми увидели тело и решили, что она “на обратном пути хотела выкупаться в одном из водоемов, но в воде умерла от разрыва сердца”. Возможно, правы и те, кто после вскрытия тела и обнаружения переломов решили, что она “прыгнула в ручей в возбужденном состоянии духа”. То есть в припадке сумасшествия.

Это не имеет принципиального значения. Это вопросы, на которые мы никогда не найдем ответов. И это – не та история, распутать которую можно в детективном ключе. Однажды я понял, почему так долго и маниакально перечитывал дневник Елизаветы Дьяконовой. Разгадка последнего и самого загадочного поступка ее жизни спрятана в нем. И там же – ответ на главный вопрос.

P. S. Все цитируемые в книге документы подлинные и взяты мною из “Архива Дьяконовой Елизаветы Александровны”, бережно собранного ее братом. Все, что я могу сделать для его памяти, это принести ему сердечную благодарность за этот бесценный архив, который больше полувека пролежал в рукописном отделе РГБ и, к сожалению, так и не нашел настоящего исследователя.

Часть первая. Гадкий утенок

Дневничок

Лизанька Дьяконова начинает вести дневник в 11 лет. Само по себе это не удивительно. Бывает, что начинают писать дневники и раньше. Удивительно другое. В течение полугода дневник Дьяконовой из сентиментальных записок провинциальной девочки превращается в Дневник в самом серьезном значении этого слова. Это уже не наивные записки, а результат *ума холодных наблюдений и сердца горестных замет*.

При этом трудно, почти невозможно найти границу между дневничком 11–12-летней Лизаньки и дневником Елизаветы. Нет, это не две разных девушки. Но как будто два разных человека. А как происходит это превращение, понять сложно.

Первая запись в дневнике, то есть еще дневничке, мила, наивна и так далее. Она относится к маю 1886 года и имеет название “Мой маленький дневник”.

Нерехта, 31 мая. О, Боже мой! Что за день был сегодня! Этот день для меня важный, потому что я получила хороший аттестат – плод моих трудов за два года. Мне всего только одиннадцать лет, я поступила во второй класс Мариинской женской прогимназии. Итак, сегодня, в субботу, должна была решиться судьба 16 человек! Немногие из этого числа остались, всего пять-шесть, остальные вышли. После раздачи наград и аттестатов наступило время расстаться. Я живо помню, как мы собрались в умывальной, и все заплакали. Только учителя и начальница смотрели на это расставание равнодушно, а некоторые из публики насмехались над нами. Я была подругой Мани, и, прощаясь, мы так разрыдались, что, кажется, только каменный человек равнодушно смотрел бы на эту картину. Не такие мы девочки, чтобы не плакать о подругах, как думают учителя! Да, много слез было пролито, много было обниманий и целований! “Никогда я тебя не забуду, пиши, ради Бога, чаще”, – слышалось сквозь слезы и рыдания Мани. Классные дамы чуть не плакали, глядя на нас. Милые подруги, все мы друг друга любим, но, может быть, никогда не увидимся!

За этим морем девичьих слез не сразу понимаешь: а что, собственно, происходит? Происходит то, что 10 из 16 учениц женской прогимназии по окончании 4-го класса неполной средней школы получают аттестаты. Среди них – 11-летняя Лиза. Но почему она горестно расстается со своей подругой Маней? Почему они обещают писать друг другу письма? Нерехта Костромской губернии – город небольшой. В 1886 году численность его населения составляла менее 3000 человек. Значит, Лиза из Нерехты уезжает? Но куда? “Мама говорит, что меня отдадут учиться в Сиротский дом¹ в Ярославле. Там живет моя бабушка, мне будет хорошо”.

Здесь нужно сказать несколько слов о среднем женском образовании в России до революции. Лиза была, если можно так выразиться, “продуктом” грандиозной реформы среднего образования в России, которая началась в конце 50-х годов XIX века, в начале царствования Александра II. Тогда по всей стране возникали первые всеобщие женские средние школы: гимназии (полное среднее образование) и прогимназии (неполное среднее образование).

---

¹ Екатерининская женская гимназия в Ярославле открыта в 1876 году в Доме призрения ближнего, или так называемом Сиротском доме. Сиротский дом был основан в конце XVIII века стараниями ярославского генерал-губернатора Мельгунова для “бедных детей всякого возраста для приличного их состоянию воспитания”. Сегодня в здании бывшей Екатерининской гимназии находится один из корпусов Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Раньше девочки могли получить среднее образование только в так называемых Институтах благородных девиц (“Закрытые женские институты Ведомства учреждений императрицы Марии”), созданных по типу знаменитого Смольного института – первого в России женского учебного заведения, основанного Екатериной II в 1764 году.

К середине 50-х годов было уже 25 таких институтов, в них учились около четырех тысяч девочек, при этом в шести петербургских и трех московских институтах было почти три тысячи воспитанниц, а в остальных, находившихся в губернских городах, – менее полутора тысяч. Целью образования, записанной в “Положении” об институтах, было воспитание “добрых жен и полезных матерей семейств”.

В институтах учились девочки из привилегированных слоев общества, из семей дворян и чиновников, причем в основном за казенный счет. Ведомство учреждений императрицы Марии (супруги Павла I), или Четвертое Ведомство Собственной Его Императорского Величества канцелярии, заведовавшее сиротскими и воспитательными домами, домами призрения слепых и глухонемых, а также больницами, щедро финансировалось из казны. Другими источниками бюджета были филантропические взносы, доход от продажи игральные карт, увеселительных заведений.

Для девочек из прочих сословий при Смольном институте в 1765 году было открыто Училище для мещанских девиц (в 1842 году названо Александровским в честь наследника престола). Здесь обучались дочери мещан и купцов, заслуженных солдат, унтер-офицеров и придворных работников. Первый прием составлял 61 человек, позже здесь учились около 200 воспитанниц. Это было единственное в России среднее учебное заведение для девочек из “городских сословий”. Со временем сюда начали принимать и дочерей обедневших дворян. Здесь преподавали Закон Божий, рукоделие, русский язык, а также французский и немецкий языки. Большинство учениц были сиротами и полусиротами или дочерьми инвалидов. Выпускницы училища оставались прислугой при дворе, многие из них благодаря знанию языков шли работать гувернантками.

С конца 50-х годов, когда инспектором училища был назначен выдающийся педагог К. Д. Ушинский, обучение приобрело профессионально-педагогическую ориентацию, и выпускницы училища становились первыми в России женщинами-учителями в открывавшихся по всей стране гимназиях и прогимназиях.

В гимназиях могли учиться девочки из всех слоев общества². Но это только формально... Для подавляющего по численности крестьянского сословия такое обучение было недоступно. Да и не нужно было обычной крестьянской девочке это обучение. Ее ведь готовили к другой доле: замужеству, рождению детей, тяжелой домашней и сельскохозяйственной работе.

В гимназии и прогимназии широко пошли девочки из семей среднего класса (“городских сословий”) – мещанки и купчихи. И к концу XIX века их количество в гимназиях почти равнялось количеству учениц из дворянских и чиновничьих семей, а в прогимназиях уже к середине XIX века превосходило их в четыре раза и было подавляющим – почти 70 %. Купеческая дочь тоже готовилась к замужеству. Но образование ей не помешало бы. Она и жениху своему должна была “соответствовать”, и детей воспитывать в “благородном” вкусе. Вспомним требование одного из “женихов” купеческой дочери Агафьи Тихоновны в “Женитьбе” Гоголя. Ему непременно требовалось, чтобы его супруга “понимала по-французски”.

Купеческий сын вряд ли женился бы на бедной дворяночке. Но купеческая дочь вполне могла выйти замуж за обедневшего дворянина, тем самым повышая социальный статус своего потомства. Это сплошь и рядом происходило во второй половине XIX века, когда дворянское

---

² Первая женская гимназия в России была открыта в Костроме на средства помещика Григорова, женатого на сестре миллионера и открывателя золотых приисков П. В. Голубкова. Она называлась “Григоровское училище 1-го разряда для девиц всех сословий”.

сословие начинало беднеть и деградировать. В уже поздних записках Дьяконовой читаем такое откровение:

Всеми силами души я ненавижу крепостное право! (1899-й год, его отменили без малого сорок лет назад!.. – *П. Б.*) Ненавижу и дворянское сословие, умевшее только жить даровым трудом! Оно распадается теперь, чинное, праздное, и разоряется, несмотря ни на какие под-держки. С злобной радостью слежу я за этим историческим возмездием! Я принадлежу к тому классу, который издавна, от дедов, унаследовал пренебрежение к дворянскому сословию; встарь – купцом помыкали, а теперь пошли на поклон... Помню рассказы, слышанные в дет-стве, – о любви дворян к богатым купеческим невестам, и глубокое пренебрежение к тунеяд-ству этих бар всосалось в мою кровь.

Очень сильное высказывание! Даже более сильное, чем “Возмездие” Блока. Здесь не интеллигентское раскаяние, а сословная ярость! Целый клубок непрощенных обид!

Но что могла понимать в этом бедная Лиза, когда рыдала на плече своей подружки Мани, потому что мамочка посылала ее в женскую гимназию в Ярославль? “Бедная” – в этом случае не карамзинский образ. Лиза действительно была бедная. В буквальном, материальном смысле.

Она начинала писать дневник вполне простодушно, как сделала бы любая девочка в ее возрасте. Ну, наверное, не любая. Более серьезная, что ли... Даже более ответственная к слову.

15 августа. Долго, очень долго я не говорила с тобой, мой миленький дневник. Целых 2 ½ месяца. Такое время для меня очень долгое, а между тем я не могла писать, потому что боялась, чтобы не увидела мама или гувернантка. Если они увидят, то будет плохо. Ведь я пишу скверно, будут смеяться.

15 августа – день рождения Лизы. Ей исполнилось 12 лет. Именно 15 августа она дает себе обет вести дневник “аккуратно каждый день или каждую неделю”. Ведь, пишет она, “самое название дневника происходит от слова «ежедневно», а я разве каждый день пишу?”

Уже на следующий день мамочка увозит ее в Ярославль.

“Как бы не забыть сделать себе для дневника новую тетрадь и очинить карандаш...”

Как видите, все очень серьезно! Но гораздо более серьезные события происходили в доме.

Умирал отец Лизы...

Проклятие Дьяконовых

В архиве Дьяконовой находится важный документ, написанный братьями Елизаветы Александром и Владимиром Дьяконовыми в 1937 году. Это очерк о роде купцов Дьяконовых.

Род купцов Дьяконовых из Нерехты, по сохранившейся родословной, корнями своими уходит в XVII век. Из поколения в поколение Дьяконовы занимались ручной выделкой крестьянского холста, каток его “в три стены”, в 30 аршин длиной, назывался новиной³, ею и торговали у себя в Костромской губернии. Затем открыто было небольшое ткацкое заведение, холстом и новиной стали торговать со склада в Москве и по большим ярмаркам – у Макария в Нижнем Новгороде⁴, на Успенской в Харькове⁵, на Сборной в Симбирске⁶. Прадед Елизаветы Александровны, Борис Иванович Дьяконов, был именитым купцом и в 1858 году был возведен в потомственное почетное гражданство. Его родной брат, Александр Иванович Дьяконов, будучи многодетным, выстроил себе большой каменный дом, лучший в Нерехте. Его сын Иван Александрович, дед Елизаветы Александровны, кроме торговли, занимался делами благотворения, был в почете и считался первым лицом в небольшом уездном городе, каким была Нерехта, застрявшая между двумя местными центрами – Костромой и Ярославлем. Иван Александрович Дьяконов для своего времени был человеком весьма грамотным, понимал пользу и необходимость образования и единственного сына своего Александра Ивановича Дьяконова, отца Елизаветы Александровны, отправил учиться в Москву. Александр Иванович окончил Московскую практическую академию коммерческих наук, знал английский язык, свободно говорил и писал по-французски. Перед ним стояла задача – расширить дело отцов, что он и выполнил, открыв в Нерехте фабрику, оборудование для которой сам заказал и привез из Англии. В 1873 году Александр Иванович Дьяконов женился на красавице Александре Егоровне Горошковой, дочери ярославского купца средней руки. Дом молодых Дьяконовых – полная чаша. Они живут богато, фабрика приносит доход, торговые связи расширяются. Успехам в коммерческих делах сопутствует счастье семейное – вслед за первенцем Елизаветой идут другие дети. Так проходит несколько лет.

И вдруг все рушится. Александр Иванович тяжело заболевает, его везут в Москву, показывают лучшим врачам, не жалеют средств, чтобы его спасти. Болезнь временно ослабевает, но не выпускает из своих когтей жертву. Проходит три-четыре страшных года, и Александр Иванович Дьяконов в 1887 году умирает...

Так написано в очерке братьев Дьяконовых.

И здесь возникает ряд вопросов. Братья не называют болезни отца, но известно, что он умер от “прогрессивного паралича”⁷. Эта фигура умолчания заставляет поверить в то, о чем писала в дневнике Елизавета. Ее отец до свадьбы был болен венерической болезнью, которую получил от связи с “красивой работницей на фабрике”. Лиза считала, что и ее собственная болезнь, которая открылась еще в гимназии, была “отраженным заболеванием”. То есть наследственным сифилисом.

---

³ Крестьянский домотканый небеленый холст. – П. Б.

⁴ Имеется в виду городок Макарьево Нижегородской губернии, где возле Макарьевского Желтоводского монастыря с 1641 по 1816 год существовала крупнейшая в России ярмарка, затем после пожара 1816 года переведенная в Нижний Новгород. – П. Б.

⁵ Успенская ярмарка в Харькове, впервые открытая в праздник Успения Пресвятой Богородицы 15 августа 1659 года. В XIX веке одна из самых крупных ярмарок России. – П. Б.

⁶ Симбирская Сборная ярмарка открывалась в начале Великого поста и продолжалась 14 дней. – П. Б.

⁷ Прогрессивный паралич, или болезнь Бейля, – заболевание сифилитического происхождения.

Лиза была первенцем. После нее родились еще две дочери и два сына: Надежда, Валентина, Владимир и Александр. Все девочки были погодками, как и сыновья. То есть Александра Егоровна рожала супругу детей почти каждый год. Но болезнь отца стала проклятием для одной старшей дочери.

Конечно, можно было бы не ставить эти вопросы, потому что в любом случае болезнь отца была трагическим событием для семьи. И какая нам разница, от чего он умер? Однако тема *расплаты за грехи отцов* станет одним из лейтмотивов дневника Дьяконовой, своего рода *idée fixe* этой девушки. А своего отца она очень любила! Каждый год она отмечала в дневнике годовщину его смерти. И при этом считала, что он наградил ее болезнью, которая сводила ее с ума и, возможно, стала причиной ее гибели.

С возрастом Лиза узнала от родных, что ее отец вел невоздержанный образ жизни, и красивая работница на фабрике была не единственным его увлечением. Но в 12 лет она об этом не знала. Поступив летом 1886 года в ярославскую женскую гимназию, Рождество и Новый год Лиза отмечала в Нерехте. Но это были какие-то странные праздники...

Нерехта, 4 января. Новый год. Мы его не встречали. Скоро мы уезжаем жить из Нерехты в Ярославль. Папа очень болен.

Отец на смертном одре, а в доме чехарда. Сборы всей семьи к переезду в Ярославль. “Все эти святки вместо того, чтобы веселиться, наблюдаешь вокруг себя недовольных сестер, братьев, укладку вещей, прислугу вечно занятую. Теперь все чаще и чаще приходится видеть, как пустеют комнаты”.

10 января отца “отсоборовали”. Лиза стояла возле него со свечой. 11-летняя Надя к папеньке войти побоялась, рыдала в соседней комнате. Это вызвало у Лизы негодование. “Что за нервы некстати. Уж лучше бы молилась”.

Отец умер 12 января. Но в дневнике Лизы от 12 января 1887 года нет ни слова об этом. Там описывается все та же ужасная суэта, связанная с переездом в Ярославль.

Драки, ссоры, слезы... Ну, теперь можно ли сказать, что я прожила весело? Ни в каком случае. Все дни, исключая счастливых часов, которые я была с мамой и в дружбе с сестрами и братьями, – были какой-то передрагой, мучительной и бестолковой!

Все смешалось в доме Дьяконовых... Рождество, святки, Новый год, смерть отца, переезд в Ярославль... И, хотя мы видим все это глазами, в сущности, еще ребенка, нетрудно понять, что в доме царил разруха. Не только среди вещей... На глазах бедной Лизы рушилось “дело Дьяконовых”.

“Большое торговое дело остается без руководства, – продолжают свой очерк братья. – Вдова Александра Егоровна Дьяконова ликвидирует фабрику и со всей семьей переезжает в Ярославль, поближе к своей родне, старушке-матери Ираиде Константиновне Горошковой”.

На самом деле смерть отца уже ничего не решала. Возможно, ее даже ждали и заранее готовились к переезду. “За несколько лет до смерти, – пишут братья, – Александр Иванович Дьяконов пригласил к себе в компаньоны своего дядю Алексея Александровича Дьяконова. Компаньон оказался недобросовестным. Воспользовавшись болезнью племянника, он запустил дело и выдал несколько крупных векселей от имени фирмы. Когда умер Александр Иванович Дьяконов, дело фабрики оказалось в столь тяжелом положении, что вдова владельца фирмы Александра Егоровна Дьяконова не решилась взять в свои руки ведение дела и ликвидировала фирму, понеся при этом большие убытки”.

Сегодня, рассматривая фотографии Александра и Александры Дьяконовых в молодости, сохранившиеся в архиве их дочери, испытываешь сложные чувства. Оба – красавцы, под стать друг другу! Завидная пара! Сколько огня и смелости в их глазах! Как они одеты! Как уверенно

позируют фотографу! И это тоже “продукт” долгого развития русского купечества – после дворянства и духовенства “третьего сословия”.

Кастовая система общества, разработанная еще в древней Индии, по сути, ведь была везде. *Кшатрии* (владельцы воинов, те же дворяне в России), *брахманы* (священство, духовенство) и “третья каста” – *вайшьи* (торговцы, купцы). Ну и, конечно, *шудры* – те, кто работает своими руками.

К концу XIX века в России “третья каста” выходила на первые позиции. Если не богачи, “миллионщики”, то уж точно не бедные, потому что бедный купец – это нонсенс! Разорялось дворянство, несмотря на все свои привилегии. Беднело духовенство, притесняемое государством со времен Петра I. Но не купцы! Их деды и прадеды начинали свое “дело” в поте лица. Кровью и мозолями “выламывались” они из крестьян, благодаря природной смекалке развивали “дело”, ставили на широкую ногу, строили себе лучшие дома и становились главными людьми в малых и больших городах огромной империи.

Но была в этой истории какая-то роковая закономерность, подмеченная Максимом Горьким. Почему-то в третьем поколении во многих купеческих династиях происходил генетический сбой. Грандиозное “дело” вдруг кончалось крахом по совершенно иррациональной причине. Как сказали бы сегодня, причина катастрофы – “человеческий фактор”.

Не дети, а внуки вдруг предавали “дело” своих предков. Они уходили в монастыри, в революцию, в радикальное искусство, начинали барствовать, сходили с ума, кончали с собой. Эти истории Горький описал в “Фоме Гордееве”, в “Деле Артамоновых”, в “Жизни Клима Самгина”, в пьесе “Егор Булычев и другие”. Нельзя сказать, что они носили “системный” характер и что русское купечество было обречено, даже если бы не случилось пролетарской революции. Но в реальной истории причины и следствия никогда нельзя разграничить. Была своя причина в декадентстве, которое поразило русское купечество накануне революции.

Была причина...

Вот Дьяконовы... С XVII века они развивали “дело”. Сначала своими руками ткали грубые, некрашенные крестьянские холсты и продавали их по деревням. Потом стали торговать в Москве, на крупных российских ярмарках. Но для устройства этого “дела” на европейский манер им не хватало образования. Дед Елизаветы Дьяконовой посылает сына учиться в Москву.

Московское Императорское коммерческое училище было создано в 1804 году. Русское купечество вложило в это заведение большие деньги. Только на его содержание выделялось 15 тысяч рублей в год из средств Купеческого общества. 150 тысяч было потрачено на перестройку дома бывшего губернатора П. Д. Еропкина, 100 тысяч пожертвовали московские купцы Куманины на библиотеку и учебные кабинеты. Телесные наказания в училище были запрещены, как в Царскосельском лицее, где учился Пушкин. Это были не краткосрочные курсы бухгалтерского образования, а полноценная средняя школа, где учились восемь лет с десятилетнего возраста. В родную семью воспитанник возвращался совершеннолетним молодым человеком. Он получал звание кандидата коммерции и личного почетного гражданина.

Изучались: Закон Божий, русский, английский, французский, немецкий языки, история, география, общая и коммерческая статистика, алгебра, геометрия, физика, химия, естественная история, технология, бухгалтерия, товароведение, правоведение, чистописание, рисование и танцы.

С особым усердием преподавались иностранные языки. Среди 87 надзирателей и воспитателей, бывших в училище в 1804–1904 годах, только у шести были русские фамилии.

Пансион (Александр Дьяконов из Нерехты был пансионером, а не приходящим учеником) стоил 400 рублей в год. Таким образом, в образование сына его отец вложил чуть менее трех с половиной тысяч рублей.

Зачем?

Что стало результатом этих усилий отца, купечества, государства? Мы не знаем, за что Лиза так любила отца, которого потеряла в 12-летнем возрасте. Она почти ничего не пишет об этом. Но больше всего на свете девушка ненавидела насилие и деспотизм, которые она связывала с образом своей матери. Поэтому можно смело предположить, что отец Лизы отличался нравом веселым, ненавязчивым и легкомысленным. И это было результатом не семейного, а столичного воспитания. Во всяком случае, именно так думала Лиза. Она пишет в дневнике, что «отец подпал под влияние европейской цивилизации, но, как русские петровских времен, усвоил от нее более дурного, чем хорошего. Наряду с образованием в столице он узнал, несомненно, и столичный разврат, а там – пошло, и пошло... До женитьбы».

Она подчеркивает: *до женитьбы*. Только поправить уже ничего было нельзя... «Влияние европейской цивилизации» стало причиной его смертельной болезни.

Отец часто являлся ей во снах, «такой ласковый, добрый, так что жаль сна бывает (жаль проснуться. – П. Б.)».

Но не раз вспоминала она и ужас, который испытала маленькой девочкой. Бабушка заставила внучку в темноте посмотреть на мертвого отца. ««Лиза, поди, посмотри папу-то», – шепотом зовет бабушка поздно вечером. Я вошла в комнату и увидела... Нельзя больше продолжать: надо Евангелие прочесть...»

Все это более поздние записи, но их так много! Отец в последние годы жизни нередко находился в невменяемом и буйном состоянии и был источником страха для детей. Лиза, в общем, не винила его, считая, что он сам стал жертвой своей легкомысленности. «Несчастный! Нет у меня в сердце негодования против тебя. Ведь он «не ведал, что творил»».

Но и отделаться от обиды, что она сама стала *жертвой жертвы* этого легкомыслия, девушка тоже не могла. Ей-то за что?! Отец, по крайней мере, получил свое удовольствие!

И вот в возрасте 17–18 лет Лиза Дьяконова приходит к двум объяснениям этого случая. Первое – по-своему красивое и символическое.

В нашем роду сохранилась вот такая легенда. Это было очень давно. Один из прадедов как-то много задолжал и не хотел расплачиваться с кредиторами. А в старину векселей не давали, верили на слово. Вот он и придумал, чтобы не платить, отречься от своих долгов, показать под присягой, что у него их никогда не было. А так как все нерехтяне знали, что он много должен, то удивлялись, как он решается дать ложную присягу. И священники это знали, но думали, что он все-таки опомнится, ведь присягой не шутят.

Повели его присягать на гору, за Нерехту, в присутствии массы народа. Он, не смущаясь, стал присягать, но в эту минуту над его головою разверзлось небо, и среди молнии голос произнес: «Анафема, анафема!..» С тех пор, говорят, род был проклят, а потому его теперь и преследуют несчастья.

Я горько плакала, впервые услышав этот рассказ, но и теперь отчасти верю ему. Такие легенды помимо ужаса имеют тайную прелесть: есть что-то действительно увлекающее и страшное в них. Грозный фатум обращается в Божие предопределение, и вера в судьбу как бы оправдывается указанием свыше.

Но рано узнала она и о другой причине своего проклятия. Не по годам развитая ярославская гимназистка объяснила Лизаньке значение слов «изнасиловать», «проституция» и «дом терпимости». «Так вот в чем состоит любовь, так воспеваемая поэтами! – с ужасом пишет она в дневнике. – Ведь после того, что я узнала, любовь – самое низкое чувство, если так его понимают... Неужели Бог так устроил мир, что иначе не может продолжаться род человеческий?... У меня теперь точно глаза открылись. Бог все премудро устроил, но из этого люди сумели сделать величайший, безобразнейший из грехов. Он справедливо наказывает таких людей страшными болезнями, и болезней этих не надо лечить, это наказание...»

«Крейцера соната»

Это написано в мае 1891 года. В этот же год появилась “Крейцера соната” Толстого. Запрещенная цензурой, она ходила в списках. “Тетрадку” с переписанной от руки повестью дал Лизе прочитать один знакомый, которого она шифрует под буквами П. П.

Неужели это не сон, и “Крейцера соната” в моих руках? Ах, как весело! Снова начинаю верить в свою счастливую звезду. Звездочка! свети мне чаще и ярче, свети так, как светила сегодня, будь умница... Как хорошо! И какой я наклею нос моей почтенной наставнице! “Не читайте, Лиза, этого произведения, если даже оно и попадется вам в руки”. Я делаю как раз наоборот... У знакомого адвоката заговорили, между прочим, о “Крейцеровой сонате”, и я призналась, что мне и думать нечего ее прочесть... П. П. засмеялся: “Да вот, она у меня, не хотите ли посмотреть?” Я удивилась, едва скрыв свое смущение. Хоть бы “посмотреть” – и то хорошо. Принес. Я осторожно полистала; вероятно, на моем лице изображалась смесь удивления и почтения, которое я чувствую ко всем произведениям Толстого. Заметив это, кругом засмеялись. Шутя, я уверяла всех, что буду помнить, по крайней мере, как держала в руках эту тетрадку... Вдруг, к моему великому удивлению, П. П. предложил мне дать ее прочесть. Я обрадовалась и на вопросы – не узнает ли мама – сказала, что никто ничего не узнает. “Мы с вами вступаем в заговор”, – смеясь, заметил адвокат.

Эта сцена, написанная с восхитительным простодушием, – готовое начало для еще одного рассказа Бунина о совращении гимназистки “старым сатиром”. Но один из лучших рассказов – “Легкое дыхание” – он напишет под впечатлением от фотографии совсем другой девушки. Дневник Дьяконовой не попадет в поле внимания Бунина. И это правильно. Дьяконова не была его героиней.

Настоящий смысл “Крейцеровой сонаты” Лиза не сразу поймет, а когда поймет, она окажет на нее такое сильное влияние, что фактически определит всю ее будущую жизнь. Но пока, “вследствие моего полного незнакомства с отношениями мужчин и женщин, незнания жизни, каких-то страшных пороков и болезней, на меня «Крейцера соната» не произвела чрезвычайно сильного впечатления”.

Гораздо более сильное впечатление произвело на нее другое. В 16 лет Лиза вдруг поняла, что она – *некрасивая девушка*.

Урод

В 1887 году, когда Дьяконова лишилась отца и семья переехала жить в Ярославль, во Франции двумя книгами вышел “Дневник” Башкирцевой, умершей три года назад в Париже в 25-летнем возрасте от туберкулеза. Он вышел на французском языке (и был написан по-французски), но в России о нем узнали в том же году благодаря опубликованным в газете “Новое время” отрывкам. Полностью русское издание дневника появилось в журнале “Северный вестник” в переводе Любови Гуревич в 1892 году. Впрочем, полностью дневник не издан до сих пор нигде, настолько он обширен.

Дневник Башкирцевой имел колоссальный успех! Его читали все образованные люди того времени. И когда в 1904 году в журнале “Всемирный вестник” появилась публикация дневника Дьяконовой, многие обратили внимание на сходство в судьбах двух русских девушек. Жизнь в Париже, болезнь, ранняя смерть. Но главное – это дневники! Такое яркое посмертное высказывание. Дьяконову тотчас окрестили *второй Башкирцевой*. И тем самым сослужили памяти Лизы дурную службу.

Дело не в том, что Башкирцева была эгоистична, развращена и безнравственна, как думали поверившие ей читатели ее дневника, а Дьяконова – чиста, духовна и самоотверженна, как считали ее поклонники в начале XX века. Башкирцева была *блистательна*. Это чутко поняла Марина Цветаева, посвятив первый поэтический сборник “Вечерний альбом” “*Блистательной памяти Марии Башкирцевой*”. Она одним словом выразила суть этой девушки. Башкирцева была блистательна! В картинах, в дневнике, даже в самой внешности. Она очень рано начала это понимать.

“О Господи, дай мне счастья в жизни, и я буду тебе так благодарна! Но что я говорю? Мне кажется, я родилась для счастья. Господи, сделай меня счастливой!”

Башкирцева была как будто обречена на счастье. Красавица, дочь богатого помещика в Полтавской губернии. С 12 лет – заграничные путешествия: Вена, Париж, Женева, Баден-Баден. Жизнь во Франции, где она в 15 лет начинает писать дневник. Прекрасное образование, занятия в частной академии художеств Жюлиана. Башкирцева замечательно не только рисовала, но и пела. “Мой голос – мое сокровище!” И список ее влюбленностей блистателен – это и граф Уильям Гамильтон, и племянник кардинала Пьетро Антонелли, и дипломат Поль Гранье де Кассаньяк.

Бог не дал ей счастья. С юных лет Башкирцева была больна чахоткой. Но какая же сила воли и духа! Она оставила 150 картин, 200 рисунков, скульптуры, и они сегодня находятся в лучших музеях Вены, Парижа, Чикаго, Москвы, частных собраниях. Она, как и Дьяконова, не успела издать свой дневник при жизни. Но вела об этом переписку с самим Мопассаном.

В ее творческой энергии, самоотдаче, трудолюбию (невероятном!) было что-то ненормальное, какая-то бешеная страсть! И это было связано с болезнью. “Умереть? Это было бы дико, однако мне кажется, что я должна умереть. Я не могу жить: я ненормально создана; во мне – бездна лишнего...”

Ничего подобного с Лизой Дьяконовой быть не могло. С Башкирцевой ее объединяла разве только ранняя болезнь. Но у Башкирцевой, как ни странно звучит, и болезнь была блистательна. Недаром говорят: *сгореть* от чахотки.

Болезнь Лизы, во всяком случае, та, о которой она думала, была просто *постыдной*. И она поражала ее мозг. А никаких особых талантов у нее не было. Ее талант – *понимание*. Она очень рано начала *понимать* мир, себя и людей.

Потому что жизнь ее изначально была труднее...

Братья Дьяконовы пишут: “Смерть Александра Ивановича Дьяконова внесла перелом во всю дальнейшую жизнь его семьи. Александра Егоровна, напуганная несчастьями последних

лет, после ликвидации фабрики стала жить в Ярославле скромной вдовой – опекуницей своих пятерых детей, и единственной целью своей поставила сохранение для них того небольшого капитала, который остался после смерти отца. Эту задачу она выполнила вполне успешно”.

У Александры Егоровны на руках пятеро детей. Причем старшие были девочки, а самая старшая – Лиза. На что могла рассчитывать мать? Сама она родилась в небогатой купеческой семье, а замуж вышла за богатого Дьяконова. Но Дьяконов заболел и разорился.

Ее красивая сестра Евпраксия Горошкова тоже вышла замуж за богатого купеческого сына Ивана Оловянишникова, родила десять детей и тоже рано осталась вдовой, но с миллионным состоянием, возглавив акционерное общество “Оловянишников и сыновья”. Она и отчество свое подписывала не Егоровна, как сестра, а *Георгиевна*. У Егоровны была только одна надежная перспектива: удачно выдать замуж своих дочерей. И первую из них – Лизу. О, если бы она была такой красивой, какими были в свое время дочери купцов Горошковых! Но Лиза не была красивой.

1 февраля 1891 года. Утром посмотрела на себя в зеркале: на меня смотрел урод! Да, это печальный факт, я чуть не бросила зеркало, но сколько ни искала хоть привлекательной черты на лице своем – не находила, и все более убеждалась в своем собственном уродстве: предомной была одна из физиономий с грубыми чертами, которые я положительно ненавижу!

Вот! Пожалуй, здесь и заканчивается дневничок Лизы Дьяконовой. Начинается Дневник.

У нее открывается *второй глаз*, возникает *двойное зрение*, которое будет отличать записки Дьяконовой на протяжении всей жизни. Она видит себя *изнутри* и *со стороны*. Изнутри “ты прекрасна, спору нет!”, но снаружи ты урод, признайся себе в этом! И так же она будет видеть весь мир, всех людей, все общество, русское и заграничное. Так, как видят они себя сами, и так, как видит их она. Одновременно. Она дает название новому дневнику – “Дневник одной из многих”. Но в этом скромном определении слышится такая гордость, которая даже не снилась Башкирцевой. Проблема Башкирцевой в том, что людей много, а она – одна! Вот она одна такая, Башкирцева, ненормально сотворенная личность, эстетическое исключение среди Божьих тварей. Господи, ты создал меня для счастья! Так дай же мне его! Совсем не то Дьяконова... Посмотрите на ее глаза. Они всегда обращены зрачками внутрь, точно она думает только о себе. Но при этом какие у нее безошибочные психологические наблюдения!

Дьяконова тоже прочитала дневник Башкирцевой. Разумеется, он ей не понравился. “Личность автора – в высшей степени несимпатична. Отыщите хотя бы одну привлекательную черту ее характера...” Но не так давно Лиза смотрела в зеркало и не смогла найти на своем лице ни одной привлекательной черты. И честно призналась, что ненавидит себя. Она *эстетически* противна!

Мой кузен расчесывал прекрасные волосы Вале (ее младшей сестре. – П. Б.), я с горечью вспомнила о своей длинной, но тоненькой косе... я со злобой смотрела на свои тонкие, некрасивые и слабые руки, неспособные почти ни к чему, на свою худую, неправильную фигуру... и один Бог знает, что творилось в моей душе... Урод! Урод! Я знаю, что я могла бы ему понравиться, если бы стала кокетничать, но гордость запрещала мне это. Не унижительно ли стараться обращать на себя внимание? Боже, за что я такая несчастная!

Но, глядя на фотографию Лизы 1890 года, совсем не находишь, что она – урод. Вполне себе миловидная девушка! С большими умными глазами, нежным овалом лица, чистым высоким лбом и слегка выдающимся вперед подбородком, что говорит о сильном характере. На

другой фотографии, сделанной на Бестужевских курсах, – то же самое. Ни о каком уродстве не может быть и речи.

Да... Но это *постановочные* фотографии. И ярославское, и петербургское фото сделаны в ателье. К ним она готовилась. Да и у фотографов были свои хитрости на этот счет. Но есть и несколько любительских снимков, сохранившихся в архиве, бледных, очень низкого качества, сделанных непрофессионально в домашнем интерьере и на природе. Вот глядя на них, понимаешь ее проблемы.

Да, Лиза была непривлекательна. Ее большие глаза не украшали, а скорее портили лунообразное лицо, лишённое выразительных черт, словно у актрисы, с которой сняли весь грим. И в ее внешности было что-то мужское. Лицом она, видимо, пошла в отца, а это для девушки бывает сущим наказанием, даже когда отец красавец.

В дневнике не приводится случая, чтобы кто-то напомнил Лизе о ее некрасивой внешности. Одно из двух: или она не записывала это из гордости, или сказать ей такое было невозможно. Характер был – ой-ой! Она рассердилась за что-то на учителя. “Господи, дай мне нож, и я зарезу его! Ведь такое зло сегодня меня взяло, искусила себе все руки, все пальцы, чтобы только сдержаться... На пол бросилась, руки стала о стол ударять изо всей силы!”

Плакать я не умею, как по-настоящему плачут. Вот злиться умею, до того, что всех, кто разозлит, могу зарезать; руки себе до синяков кусаю и перочинным ножом режу.

В доме Дьяконовых после смерти отца наступило настоящее “бабье царство”. Мальчики – Володя и Саша – были еще маленькие, а девочки – Лиза, Надя и Валя – приближались к возрасту невест. Понятно, что Александра Егоровна в том тяжелом положении, в каком она оказалась, не баловала дочерей-погодок. Ведь дочек было целых три. И всех нужно *пристраивать*.

Вероятно, Лизе, как самой старшей, перепадало больше всех тычков, намеков и прямых упреков.

И правда: в доме нет ладу, ссоры, брань, нотации... просто с ума сойти можно! И все это на меня несчастную сыплется беспрестанно, так что я даже не успеваю и вопроса себе задать: за что? почему? Всегда-то я во всем виновата, решительно во всем!

Нет, правда, а за что?!

Да потому что бесприданница.

Просто некрасивая бесприданница.

Предмет первой необходимости

Она рано захотела умереть.

Впервые это желание посетило ее возле постели умиравшего отца. “Боже мой, зачем Ты меня не взял к себе, ведь я такой человек, которого «убыль его никому не больна, память о нем никому не нужна»”. Это строка из стихов великого крестьянского поэта Ивана Никитина. Прочитируем их полностью:

Вырыта заступом яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая, –
Горько она, моя бедная, шла
И, как степной огонек, замерла.
Что же? усни, моя доля суровая!
Крепко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только одним человеком убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о нем никому не нужна!..
Вот она – слышится песнь беззаботная,
Гостя погоста, певунья залетная,
В воздухе синем на воле купается;
Звонкая песнь серебром рассыпается...
Тише!.. О жизни покончен вопрос.
Больше не нужно ни песен, ни слез!

Через год после начала учебы в гимназии стремление к смерти еще больше.

Господи, Боже мой, милый! Хоть бы Ты прибрал меня поскорее! Ну что за жизнь эта, опротивела она до того, что я не знаю, куда деться! Бог законом своим запретил убивать себя; кабы не грех – сейчас бы в воду или под рельсы. Никого, ничего мне не жаль, хоть бы умереть поскорее! Тогда в доме тише станет, нотаций мне мама не будет читать и нервы себе расстраивать, сестры не будут браниться, в доме было бы не житье, а рай. По мне отслужили бы панихиды, мне было бы очень весело⁸, я увидела бы папу, Бога бы увидела, ангелов, святых... Папу целовала бы так, как при последних днях его жизни, были бы вместе.

На самом деле это – обычная подростковая суицидомания. Смерть воспринимается не как уход из жизни, а как ее увлекательный эпизод. Что будет, когда я умру?

Понятно, что будет. В доме станет “тише”, потому что все поймут, как же они ее “доставали”!

Лиза пока еще обычная провинциальная девочка. Через две недели после вышеприведенной записи она переживает из-за двух случаев. Пролила чернильницу, Лизу наказали, а чернильницу отняли. И еще царский поезд потерпел аварию⁹.

---

⁸ Я читала, когда панихиду поют – душе покойника бывает очень весело. – *Примеч. Дьяконовой.*

⁹ 17 октября 1888 года под Харьковом у станции Борки поезд с императором Александром III и его семьей потерпел страшное крушение. Погибло много людей, и сильно поврежден царский вагон, но сам император и его семейство не постра-

Кто осмелится сказать теперь, что Бога нет? Ужасная опасность, грозившая России, отвращена, и кем же? Скажут: случайностью, но разве этот случай можно так объяснить?! Нет, Бог всегда спасал Россию, спас Он ее и теперь! Господи, какую радость я почувствовала, узнав о том, что царское семейство не пострадало при крушении!

Но не стоит придавать большого значения этому детскому монархизму. Все дети одинаковы. “Ура! Сегодня опять не учились! За здоровье Императора и Императрицы. Ура! «Боже, Царя храни...»”

Освободили от уроков! На улице, несмотря на осень, чудесная погода! И еще гувернантка Лизы Александра Николаевна собралась замуж, а это же так интересно!

Счастье-то какое, свет-то какой, шум, солнце, мороз!... Ну как тут с ума не сойти?!

Поначалу можно подумать, что мечты о смерти просто связаны с желанием увидеть отца. Он ей снится...

Странное чувство испытываю я, когда вижу его во сне: мне хорошо, весело делается, только как будто жаль кого-то. Говорят, что это он напоминает мне, чтобы я за него молилась. Это правда. Когда я плохо или долго не молюсь за папу, он мне всегда приснится...

Может показаться, что желание смерти – это просто способ пофантазировать о жизни без насилия.

Мне смерть – предмет первой необходимости: меня не станут бранить, не заставят французских правил из Игнатовича¹⁰ учить, не будут из физики и математики спрашивать и тройки ставить; не будет Шкалик¹¹ выговаривать, не буду я больше бояться – “вот спросят”...

Смерть как “предмет первой необходимости” среди гимназических предметов – это чистой воды каламбур, игра слов 14-летней “писательницы”, которая уже набила себе руку благодаря дневнику. У Лизы начинаются сложности с преподавателем литературы. Он не верит, что она пишет свои сочинения сама, – так они не по-детски хороши и основательны. И опять девочка злится и хочет умереть!

Но как?! А вот хотя бы заразиться чахоткой от другой ученицы – тоже Лизы.

Александра Николаевна сказала, что чахотка заразительна. Я была в восторге! Значит, стоит мне прийти к больной Лизе, поцеловаться с ней несколько раз, подольше посидеть – и заражусь. Я чуть на стуле не подпрыгнула, но Александра Николаевна сказала, что можно заразиться, находясь постоянно с больным, и притом долгое время, а я ведь самое долгое могу просидеть у Лизы – час!

Лиза-вторая была круглой сиротой и умирала в казенных стенах, без родных. Ее хоронили за казенный счет. Лиза-первая на ее похоронах не была, но знала, что “хорошо похоронили наши, много плакали; это немудрено: хорошая, славная была она”.

Смерть тезки заставляет ее впервые задуматься о том, что происходит после смерти с человеческим “я”.

дали. Это было воспринято как Божий знак. На месте катастрофы был воздвигнут православный храм.

¹⁰ В. С. Игнатович. Концентрический учебник французского языка. СПб., 1889. – П. Б.

¹¹ Гимназический надзиратель. – П. Б.

Я себе смерть так объясняю: живет человек, думает, говорит, все его действия мы видим; умер человек, т. е. отлетела от него душа, – и тело не движется, лежит. А душа-то ведь все та же. То, что мы называем “я”, всегда будет живо и никогда не умрет... “Я”, живое, вечное из вечных, живущее частью на земле, а частью в небе – освобожденное от тела, часто приводит меня в ужас: “Я, я, я”, до бесконечности живущее!

Откуда эта убежденность 14-летней девочки в личном бессмертии? Но это не радует ее, а вселяет ужас!

Автор этой книги слышал от одной знакомой объяснение того, почему она стала верующей. “Я была бы счастлива не верить в Бога и бессмертие души, – сказала она, – если бы я точно знала, что после смерти со мной ничего не будет. Но как подумаешь, что и после смерти *это* не прекратится... Вот почему я хожу в храм”.

В конце концов, каждый сочиняет себе свое личное бессмертие. Так, на всякий случай. Один современный писатель говорит, что после смерти он окажется на окраине русской деревни, где среди подсолнухов на скамеечке будут сидеть Николай Угодник и Сергей Радонежский. Они будут лущить семечки и пригласят его присоединиться к их неторопливой беседе.

Тоже – вариант.

Художник-авангардист Казимир Малевич завещал организовать ему необычные похороны. Его тело поместили в супрематический гроб и везли на открытом грузовике, который медленно ехал по Невскому проспекту. Затем тело перевезли в Москву, кремировали в Донском крематории, урна с прахом была доставлена в село Немчиновка и погребена под любимым дубом художника. Над могилой стоял деревянный кубический монумент с изображенным “Черным квадратом”, самым известным произведением Малевича.

Возможно, Малевич предполагал, что и в загробном мире он будет заниматься экспериментальным искусством.

Михаил Булгаков в “Мастере и Маргарите” сочинил для своего героя и его возлюбленной “вечный дом” с венецианским окном, выходящим на виноград, поднимающимся до самой крыши. Там горят свечи, и в гости приходят те, кого они любят, кто им интересен.

Тоже – вариант.

Современные бандиты щедро жертвуют на храмы и продолжают убивать. Видимо, уверены в том, что в загробном мире сидит такой крутой Бог, рассуждающий по их понятиям. Потому что “Бог – не прокурор”.

Казалось бы, 14-летняя девочка могла бы сочинить себе что-то в своем вкусе. Но она была куда строже в этом вопросе.

И вот странное чувство возбуждает во мне вид мертвого тела: другие плачут над ним, как будто человек и действительно умер, я же вижу только в теле ту оболочку, в которой “я” жило на земле; а так как “я” сохраняет все свои способности и познания, приобретенные на земле, то его-то и следует признавать собственно человеком, а тело – его оболочкой. Раз “я” живет вечно, то, следовательно, и человек не умер, а только “я” оставило тело. Поэтому-то мне и странно при виде этой оболочки, лежащей в гробу, – видеть слезы об этом человеке; плакать можно только об “я” и просить Бога простить ему его согрешения, вольные и невольные. Вот и Лиза, ведь она живет теперь, но только в другом месте; и я когда-нибудь увижу ее и узнаю, каково ей...

Какие удивительно умные и утешительные слова! Все, на что может рассчитывать Лиза-первая, – это то, что на том свете она встретится с Лизой-второй и подруга расскажет ей интересные вещи.

Как говорил автору этой книги один знакомый священник: “Я думаю, что, когда мы окажемся на том свете, нас многое удивит”.

Но однажды ночью ей снятся два кошмара. Дьяконова называет их “преглупыми” и не понимает, зачем записала их в дневник. На самом деле они не так глупы.

Снилось мне, что лежу я на постели у самой двери моей комнаты; а за дверью стоит кто-то и просит у меня ключа от двери (она заперта), чтобы повеситься на моей стороне двери на продолговатой формы задвижке. Я ключа не даю и держу у себя под одеялом; и знаю, что этот кто-то не может у меня ключа отнять, потому что дверь заперта; а кто-то все просит и умоляет дать ключ. Наконец, кто-то говорит: “А, ты не даешь, – сама достану”... и начинает дергать дверь и даже хочет просунуть пальцы сквозь щели ее, чтобы отодвинуть задвижку. Боже, я испугалась...

И снится мне, будто на море большая буря, я спасаю и собираю какие-то вещи какой-то немки, которую очень люблю; тружусь без устали и вдруг попадаю в дом, где все Дьяконовы. Как только я вошла в дом, мне тотчас дали жену; на ней черное платье и цепочка вокруг шеи от часов. Она меня будто бы любит, но вся эта масса жен и мужей интригуется, сплетничает и наговаривает друг на друга; между ними есть какой-то старший, но я чувствую себя очень свободно, он оказывается моим мужем. Когда я иду мимо темноватой комнатки, кто-то из мужчин говорит мне: “У твоего мужа десять любовников: Мен, Лен, Зен, Пен”. Я останавливаюсь, ошеломленная вестью об измене мужа, и проснулась.

Эти сны – заманчивый материал для психоаналитика, особенно учитывая то, что Лизе в пару дают не мужа, а жену, а муж ей изменяет не с любовницами, а с любовниками. Но не будем заходить в эти глухие дебри. Куда важнее соблазн и одновременно ужас, который она испытывает во сне перед самоубийством как запретным решением проблемы жизни, и то, что мысль о смерти причудливо сплетается в ее подсознании с вопросом о замужестве и включении в родовую цепочку Дьяконовых и других купеческих семей. Это то изначальное, предназначенное ей помимо ее воли, что для нее хуже самой смерти!

Лиза не хочет замуж! она боится замуж! ей противна сама мысль о замужестве!

Она покупает пузырек с эфиром “для задушения насекомых” и мечтает испытать его на себе. Но... боится. “А-а, так ты не можешь, у тебя духу не хватает... Так будь же ты проклята трижды, проклятое создание!”

Буквально через день мечтает уйти в монастырь – безгрешный способ избежать замужества.

Прекрасная мысль пришла мне, когда я с мамой провожала Толгскую Божию Матерь: когда окончу курс в гимназии, если мама не согласится на дальнейшее продолжение моего образования, я поступлю в монастырь!

Через два года, когда ей исполнится 18 лет и вопрос о замужестве встанет совсем остро, она будет изобретать в своей голове даже такие варианты избавления от сексуального рабства: “Однажды я подумала, что мне можно выйти замуж за старика, не моложе 67 лет, очень богатого, умного, образованного, тонкого эстета, знатока всего изящного, который бы меня вполне понимал и относился бы скорее как отец, нежели муж. По-моему, с таким человеком можно рассчитывать на 10 лет полного счастья, а потом... пожалуй, мне больше и не надо”.

Бедной девочке и в голову не приходило, что 67-летний мужчина, этот “старик”, может относиться к ней как-то иначе, чем к дочери. Нет, такого ужаса она просто не допускала!

После Лизиной тетки умерла другая гимназистка – Лена Борисова. Лиза на ее похоронах была.

Как она была хороша в гробу! Как невеста, лежала она вся в кисее, с большим венком вокруг головы; красивый и при жизни профиль – у мертвой казался еще изящнее, темные брови и ресницы так нежно выделялись на бледном лице, губы слегка посинели, но еще сохраняли розоватый цвет, что придавало лицу несколько живой оттенок. Впервые пришлось мне “прощаться”, и сердце у меня страшно забилося, когда я подходила к гробу. Увидев красивое, спокойное лицо покойной – я вся задрожала, сразу почувствовав всю ничтожность перед этим мертвым телом, и, пробормотав: “Невеста, невеста”, – расплакалась не хуже малого ребенка. Я вдруг узнала ничтожность моего “я”, мне показалось, что я пигмей перед Борисовой, а она невеста.

Вот только что она “умно” рассуждала о мертвом теле как о пустой оболочке для “я”. И вдруг лицо красивой мертвой подруги в гробу всё развеивает в прах! Лиза ощущает себя “пигмеем” в сравнении с Леной Борисовой. Она и в гробу не будет *невестой*. А что ее ждет “там”? Это один Бог знает!

Бабушки

Все смешалось в голове Лизы Дьяконовой. Не по годам мудрая, рассуждающая в своем дневнике о Надсоне и Бисмарке, русской империи и французской демократии, но в каких-то областях жизненного опыта наивная до святости, “умственная” по типу своего отношения к жизни и в то же время душевно ранимая и трепетная, Лиза все воспринимала непосредственно, открытой душой, но при этом старалась все осмыслить и *сформулировать*.

Была ли она религиозна?

Конечно – да! Но почва для этой религиозности была зыбкой. И, зная, что случится с ее мировоззрением дальше, порой думаешь, что лучше бы Лиза была атеисткой.

Да, она выросла в русской купеческой и, следовательно, православной семье. Но тогда почему она свою веру в Бога и церковь понимала как *проблему*?

1894 год, ей 19 лет.

1 марта. Великий пост. Я не люблю изменять раз установленных привычек по отношению к церкви. У меня их немного, но я держусь их крепко. Воспитанная в семье, где еще сохранились отчасти прежние старые требования относительно говения и поста, – я сохраняю их и нарушение буду считать грехом. По-моему, и то и другое необходимо исполнять.

Все правильно. Возразить нечего. Но для чего она это пишет? И кому? В раннем дневнике Лиза не раз настаивает, что пишет для самой себя и этого никто никогда не прочтает. Но даже если согласиться, что писала она дневник для одной себя, зачем *самой себе* объяснять и без того понятные истины?

Ответ есть. “Ах, как бы посмеялись над этими строчками все мои знакомые молодые люди!”

Она – в Ярославле. Это – один из самых сильных центров русского православия. Даже на сегодняшний день на территории Ярославской области одних только действующих монастырей и подворий насчитывается 22, еще 10 сохранились, но не действуют, и 3 были разрушены в советское время либо оказались в зоне Рыбинского водохранилища. Во времена Лизы монастырей было 35. Самый древний из них Богоявленский Аврамиев монастырь (до 2003 года – мужской, сейчас – женский) основан в конце XI века, а самый “молодой” Вауловский женский скит, который патронировал сам отец Иоанн Кронштадтский, был создан в 1903 году в имении Ваулово, пожертвованном Санкт-Петербургскому Иоанновскому женскому монастырю богатым помещиком Мордвиновым.

В конце XIX века в Ярославской губернии было всего три женских гимназии (две в Ярославле, одна в Рыбинске) и три прогимназии (в Ростове, Угличе и Пошехонье). И – 12 женских монастырей! Но стоит верующей гимназистке в кругу молодых людей завести речь о своей церковности, как ее поднимут на смех. “Таков уж нынешний век!..” – вздыхает она в дневнике, как старуха.

Нужно оценить всю щепетильность ее положения в этом вопросе. Да, верующая! Но это еще одна ее проблема.

Может быть, в семье разделяют ее религиозную страсть и без смеха прочитают такие слова в дневнике: “Великий Боже, прости, прости мне! Вот Он, Сын и Матерь Божия, единственные небесные существа, к Которым я могу прибегнуть, Которым я могу высказать всю бездну горя и бесконечное страдание, которыми переполнена душа моя. Господи, спаси!”

Ничего подобного! “В сущности, мне следовало бы быть настоящей атеисткой, судя по моей семье: отец никогда не был особенно верующим, совершенно равнодушно относясь к церкви; мать – вследствие своей очень самолюбивой натуры – тоже равнодушна к религии и ее обрядам, насмехается над священниками, а по праздникам читает французское Евангелие”.

Но есть две бабушки, по линии отца и матери, “две старинные русские купчихи, которые свято соблюдают наши дедовские обычаи по отношению к церкви; обе они имели на меня большое влияние, поэтому из меня и вышла верующая”.

Бабушки оказали серьезное влияние на развитие Лизы. С одной из них, проживавшей в Ярославле Ираидой Константиновной Горошковой, она общалась, наверное, часто, но в дневнике почти не отмечает все эти встречи. С бабушкой по линии отца, которая была ее полной тезкой, тоже Елизаветой Александровной Дьяконовой, она встречалась во время поездок в Нерехту, на каникулы и Новый год. При этом матери, судя по одной записи в дневнике, не нравились эти поездки дочери. То ли ревновала к свекрови, то ли отношения с матерью мужа были натянутые.

Стараясь все *формулировать*, Лиза и любовь к бабушкам пыталась как-то себе объяснить. Бабушки – это Русь! Это старинный дух, домострой, но такой, который был органичен для своего времени, в отличие от времени, в котором живет Лиза. Бабушки – это память! Это – детство, когда она была бессознательно невинной.

Каждый свой приезд в Нерехту она старательно описывает в дневнике. И это для нее всегда перевоплощение в какую-то *другую Лизу*. Не только какой она была в детстве, но и какой могла бы стать, если бы исторические часы вдруг остановились.

Я в Нерехте! Опять на родине, дышу ее знакомым воздухом, гуляю в нашем милом саду, который год от году все более и более разрастается. Чудо как хорошо здесь! Я буквально не помнила себя от радости, когда приехала сюда, и как маленькая бегала по комнатам. Каждое зеркало отражало сияющую розовую физиономию и блестящие серые глаза, они улыбались мне, и я сама себе показалась хорошенькой... Надев длинную блузу, я завязываю ее шарфом выше талии, собираю белокурые волосы высоко на затылок большим узлом, расчесывая их спереди, и получается фигура начала нынешнего столетия, фигура прабабушки в молодых годах, с высокой талией, с наивным улыбающимся лицом. Ребячество!

Нерехта – источник ее энергии. “Я похожа на Антея, который с прикосновением к матери-земле получал от нее новые силы”. Бабушки – светлые оконца в темной, душной тюрьме, в которую, как она считает, заточили Лизу в Ярославле.

Но... Это окошки в прошлое. Посмотреть в них так же приятно, как на себя в зеркалах в родовом доме, где когда-то отражалось твое детское личико. И можно даже нарядиться как прабабушка, почувствовав себя героиней начала, а не конца XIX века. Но это, конечно, такой милый театр.

Если же говорить серьезно, то, во-первых, обе бабушки ее *любили*. И это, наверное, было самым главным, что притягивало ее к ним. Лизе всю жизнь катастрофически недоставало любви, не обязательно именно мужской. Просто любви!

Во-вторых, глубоко верующие и церковные бабушки заложили основы ее религиозного миропонимания. Она всю жизнь душой чувствовала, что в этой старинной и *нерассуждающей* вере есть какая-то важная правда. Но на пути, который Лиза Дьяконова выбрала, эта правда не помогала ей, а мешала. Она до конца своих дней не смогла излечиться от инъекции бабушкиного православия, которая бродила в ее крови, не позволяя ей, например, смеяться над священниками, заставляя ходить в церковь.

Но и радости ей эта вера не доставляла. Потому ли, что она в этой вере была подбита уже на взлете религиозным равнодушием родителей? Или потому, что эта вера представлялась такой смешной и ненужной молодым людям, свободе и независимости которых она завидовала? Или ее рациональный ум постоянно нашептывал ей, что “здесь что-то не так”, что “чудес на свете не бывает” (во всяком случае, с Лизой ни одного чуда не произошло)?

Так или иначе, но религиозность Лизы нужно оценить, но не нужно переоценивать, как и любовь к “малой родине”. Как бы прекрасно ни было в “милей Нерехте”, но именно здесь она однажды твердо решила, что, если ей не позволят поступить на курсы, она поедет в Швейцарию, где условия приема женщин в университеты свободнее. Мысли вернуться в Нерехту учительницей, что позволяло ей окончание 8-го профильно-педагогического класса гимназии, Лиза не допускала.

Трудиться на скромном педагогическом поприще я решительно не считаю себя способной; надо искать другого пути, и я его найду...

Найдет.

Но ценой “бабушкиной” веры.

Толстой и Кронштадтский

На рабочем столе гимназистки Дьяконовой стояли портрет Наполеона и фотокарточка Иоанна Кронштадтского. “Даже в этом, – рассуждает Лиза, – мой смешанный, пестрый характер дает себя знать...”

Третьим идиолом Лизы становится Лев Толстой. И здесь уже ничего нельзя понять!

Французский император, потерпевший поражение от русской армии 80 лет назад, остается кумиром русской девушки конца XIX века. При этом она убежденно *русская, православная* и боготворит “всенародного батюшку”, фотографические портреты которого в цветной раскраске стояли в “божницах” рядом с иконами в каждой крестьянской избе от западных окраин до Сахалина. И в то же время ее сводит с ума “Крейцера соната”.

Иоанн Кронштадтский много путешествовал по России и не раз бывал в Ярославле. Например, он посетил этот город 30 августа 1890 года – через две недели после того, как Лизе исполнилось 16 лет.

Встречала отца Иоанна Сергиева, о котором в последнее время так много говорят и пишут, – отмечает она в дневнике. – Я видела его близко, и меня поразили полужакрытые, необыкновенно яркого голубого цвета глаза: они смотрели куда-то вдаль, не замечая никого из многочисленной толпы. Нежно-розовый цвет лица, юношеский румянец и голубые глаза отца Иоанна невольно поражали: он казался молодым, тогда как волосы и борода указывали настоящий возраст. Выражение лица у него было кроткое; благословляя народ, он говорил: “здравствуйте, други мои”, “велико имя Святой Троицы”. Его слова были для меня странными, необыкновенными: кто-то “не от мира сего” явился с приветствием в грешный мир.

Читая многочисленную мемуаристику, посвященную кронштадтскому пастырю, автор этой книги обратил внимание на то, что встреча с ним служила своего рода оселком для проверки наивной, *нерассуждающей* веры в Бога и Церковь. Если таковой веры не было, если приходивший на встречу со знаменитым священником был заведомо настроен критически, что было, кстати, естественно для образованного человека с аналитическим умом, то впечатления от внешности отца Иоанна бывали самые разные. Кому-то его голубые глаза казались “серыми” и “пронизывающими”, кому-то, наоборот, “испуганными”, а кто-то отмечал не “надмирность”, но элементарную усталость от осаждавших его толп народа. В Иоанна Кронштадтского, как в тютчевскую Россию, можно было “только верить”.

Вторая встреча с Иоанном Кронштадтским произошла спустя четыре года. До совершеннолетия Лизы оставался один год, и она уже твердо знала, что из Ярославля уедет во что бы то ни стало, если не в Петербург, то за границу. На этот раз встреча была почти приватной. Для понимавших в этом вопросе православных людей такое событие было подарком, милостью Божьей! Таким “знаком”, после которого ее жизнь должна была очень измениться.

Она и изменилась... Но не в ту сторону.

Как вообще могла состояться эта встреча? Об отце Иоанне говорили, что “вся Россия – приход Иоанна Кронштадтского”. Но именно это и делало личное знакомство с ним крайне затруднительным. К такой встрече стремились сотни тысяч верующих. Для регулирования этого потока на узкие ручейки допущенных лично к пастырю существовал целый ряд людей, в основном это были православные женщины, которые “решали вопрос” в Кронштадте и Петербурге, где встретиться с отцом Иоанном и получить личное благословение было наиболее вероятно. В дороге же это было почти невозможно. На каждой станции, каждой пристани “святого священника” встречали толпы и толпы. Среди них были фанатики, веровавшие в него как во второе пришествие Иисуса Христа. Были просто несчастные люди, которые мечтали прикос-

нуться к одежде святого и получить исцеление от какой-нибудь тяжелой болезни. Были любопытные, как говорили тогда, “зеваки”. Требовались огромные усилия полиции, чтобы сдерживать пеструю толпу.

По дороге отец Иоанн нигде и никогда не останавливался надолго, за исключением родного села Сура Архангельской губернии, куда он отправлялся на отдых каждое лето, почти как Лиза в свою Нерехту. Спал он в купе отдельных вагонов первого класса и в каютах паровых катеров, предоставленных для его путешествий богатыми поклонниками. Так было и на этот раз.

Летом 1894 года состоялось путешествие Иоанна Кронштадтского по Волге, широко освещавшееся в газетах. Крайними пунктами были: в верховьях – Углич, в низовьях – Царицын. Для этого арендовали два парохода акционерного общества “Самолет”: “Наяда” и “Отважный”. Путешествие планировалось совершить на обратном пути следования отца Иоанна из его родной Суры. “Наяда” вышел из Рыбинска вниз по Волге и ждал его на пристани Устье рядом с имением помещика Гордеева, где отец Иоанн ненадолго остановился для отдыха. Но на пристань он не приехал. Прискакавший от Гордеева верховой сообщил, что священник отправился в Толгский женский монастырь. Оттуда его и забрал пароход. Утром 18 июня отец Иоанн прибыл в Ярославль и совершил богослужение в домовая церковь Иоанновского епархиального женского училища. Туда не смогли попасть все желающие. Толпа молящихся стояла на площади перед зданием училища, но Лизы среди них быть не могло. Она в это время была на даче в Кускове Московской губернии, принадлежавшей ее богатой тетушке Евпраксии Оловянишниковой. Здесь Дьяконова пробыла месяц, пока отец Иоанн Кронштадтский путешествовал по Волге...

На обратном пути из Царицына он снова должен был оказаться в Ярославле, откуда уже поездом возвращался в Москву. Но “Отважный” совершает неожиданный маневр. Он проходит мимо ярославской пристани вверх по Волге и возвращается к отправлению вечернего поезда. Это можно объяснить только одним: у священника уже не было сил встречаться на пристани с многотысячной толпой, и он хотел с парохода сразу пересечь на поезд. Чтобы представить себе, что происходило во время таких встреч на Волге, процитируем газетную информацию о прибытии отца Иоанна в город Углич.

Выходить на пристани оказывалось не только небезопасно, а и совершенно невозможно, за множеством народа, которого не в силах была сдерживать местная полиция. Местный исправник прямо высказывал отцу Иоанну опасение, что от переполнения народом пристань может не выдержать. Поэтому о. Иоанн, намеревавшийся пробыть в Угличе около 3 часов, был лишен возможности осмотреть исторические достопримечательности этого древнего города.

Наша бедная Лиза оказалась рядом с Иоанном Кронштадтским в тот момент, когда, по правде говоря, он совсем не готов был эту милую девушку видеть, слушать, вникать в ее “проблемы”.

Евпраксия Георгиевна со своей семьей пожелали встретиться с отцом Иоанном на его пути из Ярославля в Москву и взяли с собой Лизу. Для этой встречи был придуман свой “маневр”. Из Кускова они поехали на станцию Обираловка. Там взяли семь билетов первого класса, с тем чтобы, войдя в вагон к отцу Иоанну, ехать с ним обратно до Кускова. Они стояли на платформе в ожидании поезда. “Народу на станции все прибывало, а когда подошел поезд, было уже тесно”.

Торопясь войти в вагон (поезд стоял всего две минуты), я видела только благословляющую руку, которую ловили и целовали десятки других, – пишет Лиза. – На площадках вагона нас, имевших билеты, не пускали в вагон к отцу Иоанну. “Не приказано, да как же я могу?” –

говорил кондуктор, вертясь во все стороны между пассажирами и убеждая войти в соседний вагон. Никто его не слушал. Тетя, окруженная детьми, кормилицей и няней, и я рисковали упасть под поезд, стоя на площадке, где нельзя было повернуться. “Сейчас поезд тронется, уйдите, пожалуйста, пускать не приказано!” – кричал в отчаянии кондуктор... Но тетя настойчиво добивалась, чтобы ее пропустили в вагон. “Вызовите ко мне Софью Яковлевну (Борхардт), скажите ей, что я Ол-ва, у меня сын – крестник отца Иоанна, я его личная знакомая!” Сначала эти слова не произвели никакого впечатления на неумолимого кондуктора, но когда Софья Яковлевна вышла к тете и расцеловалась с ней – двери вагона отворились, и мы вошли...

Даже богатая и влиятельная Оловянишникова не могла пройти в вагон к отцу Иоанну без посредничества его духовной дочери, сопровождавшей его в пути.

В небольшом купе на диване сидел отец Иоанн. Он немного постарел с тех пор, как я видела его в последний раз; его кроткие лучистые голубые глаза остались те же, только выражение лица было измученное, сильно усталое. Золотой наперсный крест с синей эмалью, темная шелковистая ряса на лиловой подкладке и старенькая соломенная шляпа... Мы вошли все и по очереди подходили под благословение. Я пристально смотрела на отца Иоанна и мысленно просила его помолиться за меня и за маму. Что-то благоговейное, особенное, казалось мне, носилось в воздухе, и чувствовалось, что мы находимся в присутствии необыкновенного человека, ближе стоящего к Богу, нежели мы все, вместе взятые. Я жадно следила за каждым словом и движением отца Иоанна. Видно было, что он очень утомлен, постоянно зевал, глаза его невольно смыкались... Вслед за нами привели нервную женщину, которая, получив благословение, упала на скамью в сильном припадке. Ее крики раздались по всему вагону. Все замолчали. Отец Иоанн встал и положил ей руку на голову. Больная начала кричать еще более. Продержав руку несколько времени, отец Иоанн прикрыл ей лицо платком и велел унести, а сам, расстроенный этой тяжелой сценой, подошел освежиться к открытому окну. Едва он вернулся на место, как в купе быстро вошла женщина с маленькой девочкой. “Благословите, батюшка, на новую жизнь, хочу девочку отдать в приют куда-нибудь...” – “Разве не ваша дочка?” – спросил отец Иоанн. “Не моя, не моя, приемыш, сирота круглая, так вот благословите, батюшка, поместить куда-нибудь”. – “Ты говоришь, сирота?” – переспросил о. Иоанн, почти не слушая женщину, очень неприятную на вид. “Круглая сирота, батюшка...” Отец Иоанн вынул из кармана деньги, отделил две красненьких бумажки и отдал женщине левой рукою. “Вот ей”, – сказал он, в то время как правой благословил какого-то мужчину, который, целуя руку, всунул туда деньги и быстро что-то проговорил...

В то время еще не было кинематографа как такового. Но если бы кому-то пришлось в голову снимать немой фильм об Иоанне Кронштадтском, то все эти сцены с поездом, именно так, как они записаны в дневнике, могли бы оказаться в сценарии короткометражного кино. Все “кадры”, все “планы” на своем месте.

И станция, и толпа, и поезд, и кондуктор, и богатая семья с бедной родственницей, и интерьер купе, и правильно замеченные элементы одежды, и очередь под благословение, и глаза пастыря, и бесноватая, которая непонятно как возникает в этом купе, куда никого не пускают, и женщина, просящая благословения священника, чтобы избавиться от сироты, и деньги, которые он ей дает, достав из кармана рясы, и странный господин, неизвестно как появившийся, но мгновенно отвечающий на немой вопрос зрителей, где священник берет деньги на свою благотворительность, – все здесь работает на зрительный зал, которого еще нет.

Вопрос в режиссере. Как и с какой целью снимать этот фильм? Как по заданию режиссера будут играть актеры? Что будет в титрах? Словом, о чем будет кино?

Но она – не режиссер.

Она сама еще зритель.

“Я шла домой, вся под впечатлением свидания с отцом Иоанном. Этот тихий и кроткий священник олицетворяет собою идеал служителя Божия, и вся его необыкновенная личность дышит смирением и бесконечною добротою. Я видела его сегодня, в вагоне, благословляющего, утешающего, подающего милостыню сироте, ласкающего детей (Оловянишниковых. – П. Б.), и таков он всегда, где бы он ни был... И немудрено, что наш народ, от сановника до крестьянина, чтит отца Иоанна. Это живое напоминание нам о том, какими мы должны бы быть...” – пишет Лиза.

Таким образом, она прошла проверку на искренность своей веры не только в Христа, но и в русского пастыря, которого народ выбрал на роль святого батюшки.

Это в ней, конечно, не от мамы и отца. Это – от бабушек. В этом плане словосочетание “необыкновенный человек” (из ряда вон выходящий) применительно к образцу кротости и смирения не царапает наш слух. Потому что именно так смотрели бы на отца Иоанна и бабушки Лизы. Да, *необыкновенный* человек! Не то что мы, *грешные*! Да, но у бабушек не стоял на столе Наполеон. И бабушки не читали “Крейцерову сонату” Льва Толстого.

Дьяконова прочитала повесть Толстого об убийстве Позднышевым своей жены из ревности не так, как читали ее юноши и большинство девушек. Они не задавались вопросом: почему Позднышев так страдает беспричинной ревностью? Ведь жена ведет себя прилично, всего-навсего музыкой увлекается.

В 90-е годы о “Крейцеровой сонате” непрерывно спорили. Это был один из главных пунктов помешательства десятилетия, когда решалась будущая судьба Лизы. Основной предмет спора заключался не в проблеме ревности, а в том, что Толстой очевидно отрицал само положительное значение брака, выносил приговор браку как союзу мужчины и женщины, освященному христианской традицией. Но как же быть с рождением детей? Ведь тогда человечество прекратит свое существование!

И мало кто оценил другую проблему, которую поставил перед всеми Толстой. А почему девушка до брака должна оставаться девушкой, а юноша не только имеет право заранее приобрести сексуальный опыт, но всячески поощряем к этому родителями, старшими братьями, просто обществом?

Да и родители невесты не против. Потому что... как иначе? Это невеста не должна *ничего знать* (знали, еще как знали! только говорить об этом вслух было неприлично), а он-то должен обладать этим опытом... а как же иначе?

После появления повести Толстого вопрос о *женской моногамии* и *мужской полигамии* обсуждался не только устно, но и в печати. Летом 1893 года, находясь на каникулах в Нерехте, Лиза прочла в “Русском вестнике” статью популярного драматурга Петра Гнедича “Вопрос о единобрачии мужчин”, которая возмутила ее даже не содержанием, а цитатой из комедии “Перчатка” норвежского писателя Бьёрсона, где невеста возвращает жениху данное ему слово, потому что он знал до свадьбы других женщин. “И вот, вместо сочувствия несчастной невесте, – пишет Дьяконова, – отовсюду поднимаются вопли негодования, и сам жених на вопрос возмущенной девушки – решился бы он жениться на падшей до замужества – тоном оскорбленной добродетели читает ей же (!) нотацию, что всякий мужчина из его круга почел бы это за позор для себя... Им все можно, а женщинам они не прощают и еще считают позорным союз с подобной себе: они же ее развращают, и они же смеют отворачиваться от нее, делаясь впоследствии «образцовыми» мужьями и отцами семейств. Это везде! везде! и в России, и за границей! О, Боже мой, Боже мой! Точно что оторвалось у меня на сердце, я хотела плакать, но не могла”.

Какая буря эмоций! У Лизы еще нет жениха, которому можно было бы предъявить эти требования. За ней никто не ухаживает, в отличие от младшей сестры Вали...

Я сейчас раздевалась, чтобы лечь спать. Заплетая косу, я подошла к зеркалу, зажгла свечку. Рубашка нечаянно спустилась с одного плеча... Боже мой, какая жалкая, уродливая фигура! Худые детские плечи, выдавшиеся лопатки, вдавленная, слабо развитая грудь, тонкие как палки руки, огромные ноги неприличных для барышни размеров. Такова я на 20-м году моей жизни. Я чуть не плакала от отчаяния. За что я создана таким уродом? Почему у сестер красивые, прелестные плечи, шея, волосы, маленькие ножки, а у меня – ничего, ничего!.. И вот почему я никогда не думаю о мужчинах – влюбленный урод смешон и жалок... Как приятно жить с сознанием собственного безнадежного уродства... И мне хотелось разбить все зеркала в мире, чтобы не видеть в них своего отражения.

Ах, если бы она была “синим чулком”¹² или нигилисткой! Но для нигилистки она была слишком религиозна, а для “синего чулка” слишком честна в отношении самой себя. Например, она пишет, что не может “удержаться от удовольствия, которое доставляют надетые новые платья, шляпы”, и с интересом пробегает в газетах хроники моды. “А почему? Да потому, что я... все-таки женщина!”

Она чувствует, что ей не хватает любви: “Ведь никто и никогда не любил меня так, как могут любить других”. Она видит, что “никогда никому не нравилась”, и от этого ей “грустно”. “А зеркало безжалостно отражало мои обнаженные худые, тонкие руки, всю мою хрупкую, худощавую фигуру, мои длинные волосы и жалостную розовую физиономию”.

Современная феминистка, окажись она рядом с Лизой, в нескольких словах объяснила бы ей, в чем суть ее “глупой” проблемы. 1) Она не обязана никому нравиться, кроме самой себя или тех, кому она сама хочет понравиться по каким-то своим причинам. 2) Она никакой не “урод”, потому что само это понятие придумано мужчинами для сексуального порабощения женщин. 3) Если ей нравятся платья, шляпки и хроники моды, то мучиться по этому поводу не надо; в конце концов, она действительно *женщина* и имеет на это право.

Но такое простое уравнение не укладывалось в голове ярославской феминистки, в которой на равных правах поселились бабушки и Наполеон, Толстой и Иоанн Кронштадтский. И она идет сложным путем, чтобы объяснить самой себе и оправдать *несправедливость*, которой наградила ее природа. Она хватается за Толстого как за спасительную соломинку, здесь же, в Нерехте, где ее так возмутила статья Гнедича.

Невольно я подошла к полке книг и перечла вновь “Крейцерову сонату”. Каким глубоко нравственным произведением показалась она мне! Еще более я поняла величие гения Толстого в его откровенных признаниях, сознании испорченности, в призыве молодежи к нравственности. Это было известно всем, но Толстой первый осмелился заговорить, и за это его обвиняли чуть ли не в разврате. Разговаривая со мной о “Крейцеровой сонате”, мужчины все порицали это произведение с разных точек зрения учеными словами и выражениями, и ни один из них не сознался, что Толстой прав. Они возмущались. О, как это гадко!

С подачи Толстого она придумывает причину, по которой *никогда не выйдет замуж*. Это отсутствие нравственной чистоты у мужчин до брака. Гимназическая подруга Катя пытается Лизу успокоить и предлагает не относиться к этому вопросу так “нервно”.

Но ведь это же гадость, Катя, это нечестно! – проговорила я, и слезы так и брызнули у меня из глаз. – Они до брака удовлетворяют свою чувственность, а после эти самые подлецы

---

¹² Любопытно, что “синим чулком” впервые назвали мужчину, ботаника Бенджамина Стилингфлита, одного из посетителей салона английской писательницы Элизабет Монтегю в 60-е годы XVIII века. Вместо положенных по этикету белых или черных шелковых чулок он носил синие шерстяные, за что получил прозвище “bluestocking”. Потом “синими чулками” стали называть всех членов кружка, а затем и всех мужчин и женщин, предпочитавших философские беседы обычным развлечениям. Во Франции и России “синими чулками” называли только женщин.

требуют от нас безукоризненной чистоты и не соглашаются жениться на девушке, у которой было увлечение до брака. Нет, уж если поведение супругов должно быть одинаково, тогда и мужчины должны жениться на проститутках... Я потребую от своего жениха того, чего он не может мне дать, – девственной чистоты, чтобы он был подобен мне; иначе говоря – никогда не выйду замуж...

На самом деле Дьяконова глубже многих своих современников поняла смысл “Крейцеровой сонаты”. Смысл повести не в проблеме самой ревности, а в том, что Позднышев сам до свадьбы не раз оказывался в роли “музыканта”, глядя на женщин как на объект удовлетворения своих сексуальных желаний. Но если в его “послужном списке” были какие-то женщины, то почему в списке другого не может оказаться его жена?

В конце концов увлечение “Крейцеровой сонатой” зашло слишком далеко. 3 июля 1894 года в Кусково, где Лиза гостила у тетушки Евпраксии Георгиевны, приехал друг ее детства.

В нем я всегда уважала доброту характера и стремление к самоусовершенствованию, – пишет Лиза в дневнике. – Живя постоянно в разных городах, я с удовольствием с ним переписывалась. Теперь, воспользовавшись случаем, мы в первый же вечер уединились ото всех на террасе и разговорились совершенно откровенно...

Она спросила: как он относится к “Крейцеровой сонате”? И прав ли, по его мнению, Толстой?

“Позднышев, конечно, говорит правду, хотя он сам был менее испорчен, нежели другие”, – ответил Петя. “А все-таки он требовал от жены, чтобы она была чиста и невинна, не так ли?” – “Да, конечно”. – “Ну а вы, стоя пред алтарем, бываете ли такими же... неиспорченными (я немного запнулась, говоря это слово, и невольно голос мой дрогнул), как ваши невесты? Лично вы, – продолжала я вдруг с отчаянной смелостью, – такой?” – “Нет, я испорчен”, – произнес Петя совершенно спокойно. Меня точно острием ударили в сердце. Я хотела сказать что-то, но не могла и вдруг, закрыв лицо руками, разрыдалась громко и неудержимо.

Дальнейший разговор не имел смысла. Лиза рыдала, Петя предлагал ей выпить воды и успокоиться, но это не помогало. С Лизой случилась настоящая истерика.

Петя не понял ни моих слез, ни моего молчания. Если бы он знал, что в эту минуту он видел перед собой человека, который оплакивал свой исчезнувший идеал. Это очень глупая фраза, а между тем это правда. Иметь идеал – смешно по меньшей мере, но я не боюсь насмешки... И Петя вдруг стал для меня уже другим человеком, похожим на всех.

В следующей записи от 18 июля она рассказывает о встрече с отцом Иоанном Кронштадтским. Необыкновенным человеком! Не похожим на всех! Не то что какой-то Петя!

В тюрьме

В Ярославле Лиза страдает. Ей “душно”, она “в тюрьме”! Ей “хочется сесть на коня и скакать безумно куда-нибудь...” В 16 лет она мечтает: “Нельзя ли уйти хотя на неделю из дома? Три года продолжается эта жизнь; прежде я возмущалась – теперь чувствую смертельную усталость... И в этой бессмысленной сутолоке жить еще 5 лет (до совершеннолетия. – П. Б.)!”

“Как пусто все кругом! – восклицает она. – В сущности, я очень несчастна... Мои мечты и надежды не исполняются, домашняя жизнь так тяжела!”

Может возникнуть впечатление, что бедная девушка живет в удушающей провинциальной атмосфере, среди тупых и невежественных людей. “И это называется «жизнью»!” – иронизирует она. Но развернем запись: “Я изучаю немецкую и французскую литературы, играю сонаты Бетховена, читаю Гёте и Белинского, учусь латыни, занимаюсь рукоделием, хожу за обедню, за Всенощную. И только? и больше ничего? Так знайте же: ни-че-го!”

Она учится в лучшей городской гимназии. Свободно читает в оригиналах французские романы, играет на рояле Бетховена. В домашней библиотеке матери сплошь французская литература: “Эмиль” Руссо, “Коринна” де Сталь, “Приключения Телемака” Фенелона, Гюго, Стендаль, Жюль Верн.

“Все в оригиналах”.

“Я достала из нашей жалкой библиотеки Милля: «Основание политической экономии». В этой науке так много жизненных вопросов...” Жалкая библиотека?!

Здесь же находилась “La vie de Jésus par Ernest Renan”¹³, книга, которой зачитывались образованные европейцы и русские второй половины XIX века. То, что она находилась в библиотеке матери Лизы, говорит о ее весьма широких и свободных взглядах на религию. Лиза увидела ее и хотела прочитать в 15 лет. Но мама, такая-сякая, книгу ей не дала, “сказав, что рано читать”.

Боже, какой “деспотизм”!

В 17 лет, находясь на каникулах в Нерехте, она пишет: “В эти дни я кончила немецкие переводы и думаю приняться за лекции о сущности религии Фейербаха. Судя по введению, они будут интересны. «Учитель Лингвист» спокойно отдыхает на бабушкином столе, а итальянская статья тщетно старается обратить на себя милостивое внимание: заниматься пока еще лень...”

Боже, какая “провинция”!

Что такое “Учитель Лингвист”? Это “Международный литературно-лингвистический журнал для изучения шести языков для взрослых и детей”. Выходил в Петербурге в 1890–1891 годах, сперва шесть раз в год, второй год – ежемесячно.

Людвиг Фейербах – радикальнейший философ-материалист, автор работ “Сущность религии” и “Основы философии будущего”, критик богословия.

Что такое “итальянская статья”, мы не знаем. Но едва ли эта статья была на русском языке.

Какая “глушь”, какое “невежество”!

30 сентября 1892 года, Лизе – 18 лет:

Тоска страшная... Я сегодня не выдержала и залилась отчаянными, горькими слезами... О, если бы все это бросить, от всего освободиться! Я чувствовала бы тогда, вероятно, то же самое, что чувствовал Н. М. Пржевальский, отправляясь в далекие путешествия.

---

¹³ “Жизнь Иисуса” Эрнеста Ренана впервые опубликована во Франции в 1863 году. Она имела огромный успех у широкого круга читателей и вызвала протест католической церкви. Это была первая художественная биография Иисуса, написанная ученым и богословом по следам его экспедиции на Ближний Восток. Эрнест Ренан дружил с Тургеневым, был знаком с Владимиром Соловьевым и Дмитрием Мережковским, но в России его книга впервые вышла лишь в 1902 году.

13 октября. Читаю теперь “Государя” Макиавелли.

24 октября. А теперь я читаю “Коран” Магомета...

12 ноября, она в Москве.

Сейчас вернулась из Большого театра, слушала “Жизнь за царя”. Это лучшая из русских опер.

16 ноября. “Сафо”. Ермолова играла бесподобно...

20 ноября. “Так жизнь молодая проходит бесследно!” Боже, дай мне другой жизни!

Круг чтения Дьяконовой впечатляет. Если ее матери “сна нет от французских книг”, то Лизе не спится от русских. Она прекрасно разбирается в русской поэзии, постоянно цитирует в дневнике стихи. Тонко и беспощадно разбирает модного поэта Надсона и называет его “калифом на час”. В кругу чтения Пушкин, Гоголь, Островский, Писемский, Тургенев, Гончаров и, конечно же, Толстой, которого Лиза читает и перечитывает постоянно.

В поле ее внимания все новейшие литературно-философские веяния 90-х годов, от “Политической экономии” Милля и “Исповеди” Толстого до дневника Марии Башкирцевой. И все это прочитывается не восторженной провинциальной дурочкой, падкой до всего “модного”, но строгим ценителем, со своим вкусом, со своим пониманием жизни и искусства...

Но ей “душно”, она в “темном царстве”! Как Катерина в “Грозе”! Она бы покончила с собой, но религия не позволяет.

С неким П. они пишут комедию “Провинция”, по-видимому, о нравах российской глухомани, столь далекой от мирового просвещения и науки. Она отправляет свои стихи в газету “Северный край” под псевдонимом Е. Нерехтская...

Но ей “душно”! “Темная ночь, на улицах ни души, слышно, как моросит мелкий дождь”.

Конечно, можно посмеяться над этим и сказать, что девушка просто дурила и не ценила возможностей, которые предоставляли ей семья, школа и система женского образования, сложившаяся в России к концу XIX века. В это время она превосходила все европейские аналоги. И не только потому, что основы ее закладывали такие выдающиеся теоретики и практики педагогической науки, как Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский и Н. А. Вышнеградский, но и благодаря финансовой поддержке, которую оказывало российское государство образовательным учреждениям Мариинского ведомства. Уже в 70-е годы традиционно немецкое руководство российского просвещения признавало, что “среднее женское образование лучше в России, чем в самых просвещенных государствах Западной Европы” и женские школы Мариинского ведомства “по учебному курсу выше и определеннее, чем прусские *höher Töchterschulen*¹⁴, при преобразовании которых в 1872 году образцом в учебном отношении послужили русские женские гимназии и институты”.

Но в том-то и дело, что все это великолепное образование оказывалось для Лизы бесполезным грузом. Ну хорошо, она получит отличное образование. Но зачем? Зачем она изучала новые и мертвые языки и читала такое количество книг? Чтобы отправиться учительницей прогимназии в Нерехту? Чтобы там готовить таких, как она, бедных Лиз с несоразмерно их положению высоким образованием и умственными способностями? Чтобы эти девочки еще больше страдали, чем если были бы глупыми и невежественными?

---

¹⁴ Высшие женские училища. – П. Б.

И Лиза начинает догадываться, что главный-то вопрос заключается не в образовании. В самом устройстве мира есть какая-то порча, которая не позволяет ей стать человеком в том смысле, в каком она это слово начинает понимать. А она, как все молодые и образованные люди своего времени, понимает это слово в героическом ключе – только так! “Человек – это звучит гордо!” – вскоре вслед за Ницше объявит новый русский пророк. Вот и для Лизы человек – это гений! Это может быть и Наполеон, и отец Иоанн Кронштадтский, и Лев Толстой, но уж точно не Петя! А она-то, Лиза Дьяконова, кто?

Вот она читает “Страдания юного Вертера” Гёте и плачет над книгой. “Боже, как счастлив тот человек, который может создавать великие произведения, как счастлив тот, кто, умирая, оставит по себе бессмертное наследство!”

Но тут же Лиза невольно сравнивает себя – нет, не с Гёте, конечно! – а с его героями. Кто она в этом сюжете? Не Вертер уж точно! Впрочем, “теперь нет Вертеров”. “А Шарлотты? Они-то, может быть, есть... Но ведь Шарлотта без Вертера была бы ничто”.

Шарлотта без Вертера

Настоящей героиней ее души и образцом для подражания становится не гётевская Шарлотта, которая “ничто” без своего Вертера, а Анна Сергеевна Одинцова – один из персонажей романа Тургенева “Отцы и дети”. Этот роман Дьяконова знала “почти наизусть” – так часто она его перечитывала.

В романе присутствуют четыре любовных сюжета: два счастливых и два несчастливых.

Счастливый сюжет – это любовь Николая Петровича Кирсанова и девушки из простолюдинья Фенечки, которая живет с бариним и родила ему ребенка. Второй счастливый сюжет – любовь сына Николая Петровича Аркадия и Катеньки, сестры богатой и красивой вдовы-помещицы Анны Одинцовой. Несчастливый сюжет – роман брата Николая Петровича Павла Петровича Кирсанова со светской львицей, княгиней Р*. Этот роман происходил в прошлом. Он совершенно опустошил Павла Петровича, от которого осталась одна аристократическая оболочка без живой души. Второй несчастливый сюжет – любовь Базарова к Одинцовой. Эта любовь противна его жизненным убеждениям материалиста и нигилиста, однако он ничего не может с собой поделать и против своей воли признается Одинцовой в любви. Но она, хотя и чувствует к Базарову некоторый интерес, отталкивает его, потому что “спокойствие лучше всего на свете”. Наконец, он ей физически неприятен. Потом, когда он будет умирать от случайного заражения крови, поранив палец во время врачебной практики, Одинцова придет к нему и, наверное, даже почувствует за собой какую-то вину. Но будет уже поздно.

Любопытно, что из этих любовных сюжетов самым привлекательным Дьяконовой оказался четвертый. Ее не вдохновили ни идиллическая любовь юных Катеньки и Аркадия, увенчавшаяся счастливым законным браком, ни противозаконное, но такое “уютное” сожителство доброго барина со своей служанкой, ни романтическая, с испепеляющими страстями история Павла Петровича и княгини Р*. Ей понравилось, как Одинцова *поставила Базарова на место*. Восхитили ее холодность и спокойствие.

Мое самолюбие удовлетворяется тем, что Базаров, все отрицающий, ни во что не верующий, циник и нигилист, – полюбил именно такую женщину, и несчастливо... Она оказалась несоизмеримо выше его... “Станный этот лекарь! – повторила она про себя. – Она потянулась, улыбнулась, закинула руки за голову, потом пробежала глазами страницы две глупого французского романа – и заснула, вся чистая и холодная в чистом и душистом белье”. – Так часто засыпаю и я, чувствуя себя вполне похожей на эту героиню.

Нет, она не была ею. Одинцова была богатой, красивой и свободной, а Лиза – бедной, невзрачной и зависимой.

Между тем в доме начинают появляться *свахи*. Этот надежный, проверенный веками институт сводничества вызывает у Дьяконовой омерзение. На нее смотрят как на “товар”, на который берутся найти “покупателя”.

Свахи взялись за дело очень усердно и по-старинному: предлагают “показать” меня женихам... О Господи, мало, видно, еще подлости и гадости людской на земле! Наши женихи и обожатели, нажившись вдоволь со всякими... идут теперь справляться о приданом, о нашей нравственности, чтобы жениться “как все порядочные люди”! Я встала на колени и, вместо молитвы, горько заплакала.

Положение Дьяконовой незавидно. В отличие от Одинцовой, у нее нет никаких гражданских прав. А какими вообще правами обладала женщина в России конца XIX века?

1) Женщина до 21 года не имела права на отдельный вид на жительство без разрешения отца (в случае его смерти – матери или опекуна) или мужа.

2) Брак в России был церковным, и поэтому развод являлся крайне сложной процедурой, причиной для которого могли быть только два основания: измена одного из супругов или ее (его) неспособность к деторождению (в этом случае половое соитие считалось греховным, потому что не оправдывалось рождением детей). Но каждое из этих оснований требовало очень весомых доказательств, которые рассматривала духовная консистория, что превращало развод не просто в сложную, но и в унижительную процедуру.

(Кстати, не зная этого, мы никогда не поймем таких произведений, как пьеса Толстого “Живой труп” или рассказ Чехова “Дама с собачкой”. Почему, вместо того чтобы развестись со своей женой Лизой и позволить ей выйти замуж за Каренина, Федор Протасов устраивает запутанную историю с фиктивным самоубийством? Почему не могут обрести счастье Дмитрий Гуров и Анна Дидерик? Да потому что поменять семью в XIX веке было очень трудно.)

3) Женская часть наследства была намного меньше, чем мужская. Из родительского наследства дочери получали одну четырнадцатую часть движимого имущества и одну восьмую – недвижимого; остальное поровну делилось между сыновьями.

4) Для поступления на учебу и устройства на работу женщине требовалось письменное согласие отца или мужа.

Лиза все это прекрасно знала. Понятно, почему ей так нравилась Одинцова. Потому что была *богатой вдовой*.

Мы можем догадаться, что происходило в доме Дьяконовых, когда Лиза заявила матери о своем нежелании выходить замуж и решении поступить на Бестужевские женские курсы. Лиза скупко пишет об этом, умалчивая детали, но несложно догадаться, что в доме начался кошмар!

Мать видит всё по-своему, как она привыкла понимать эти вещи. Она подозревает дочь в чем угодно, но не в искренности ее стремления к высшему образованию. На самом деле у нее были для этого основания. Из дневника Лизы нельзя до конца понять, что для нее было целью и что – средством. Мечтала ли она о самостоятельности, чтобы поступить на курсы, или сами курсы представлялись ей способом обретения этой самостоятельности? Отказывалась ли она от замужества потому, что оно было противно ее нравственным убеждениям, представлениям о “чистоте”, или убеждения и представления о “чистоте” возникли от осознания того, что она не просто “товар”, но еще и не слишком-то привлекательный “товар”, который еще будут рассматривать, цокать языком и спорить о соотношении “цены и качества”? Во всяком случае, представление о своем “уродстве”, может быть, даже мнимом, терзало ее очень сильно, и в дневнике этому посвящено не меньше места, чем мыслям о “чистоте”.

Что должна была думать обычная мать о такой сложной дочери?

Мать начинает за ней “шпионить”. Устраивает тайный обыск в ее комнате, заставляет прислугу следить за Лизой, когда она уходит из дома. Мать подозревает, что дочь завела шашни со студентом из Демидовского лицея, а от студентов, известное дело, добра не жди! В этом она видит причину сопротивления Лизы сватам. И мать права! Ее дочь действительно водит шашни со студентом из лицея, который снабжает ее юридической литературой, сначала – через брата Шурку, а потом и напрямую. Причем не он, а Лиза назначает ему свидание на катке! Она сама ужасается этому в дневнике: “Боже мой, до чего я дошла!” Она оправдывает это тем, что ей необходимо разобраться в гражданском управлении России. “Мы, русские девушки, к стыду нашему, даже не имеем об этом понятия – так курс наших гимназий краток и так мало стараются сообщать нам сведений о своем отечестве. Огромное большинство, почти все женщины среднего круга, в особенности из купечества, совсем не знают, как управляется страна, а ведь это вопрос очень живой и серьезный. Наша француженка m-lle Marie, не особенно развитая особа вообще, с поразительным увлечением ратует далеко от родины о своих депутатах и

выборах; там всякий сознает себя гражданином страны, в них развивается с малых лет сознательный патриотизм, и что может быть лучше этого?”

Лиза еще не слышала слова “суфражизм”¹⁵. Но она интуитивно, без помощи извне, поняла, что корень зла заключен не только в отсутствии достаточного образования для женщин, но в лишении женщин других важных прав, в частности избирательного права. Удивительно, как стремительно развивалась эта девушка!

Но давайте посмотрим на нее глазами матери. 1894 год. Лизе вот-вот исполнится 20 лет. Подавляющее большинство девушек выходили замуж в возрасте от 17 до 20 лет. Не выйти замуж в этом возрасте означало “засидеться в невестах”. Между тем мать не такая дура. Она заметила, что ее дочь часто рассматривает свое отражение в зеркале. Дочь что-то от нее скрывает. К брату Шуре ходит студент-репетитор, с которым у Лизы явно какие-то *отношения*.

Что мать должна была подумать, если бы она узнала, что ее дочь сама назначает студентам свидания на катке? Что она интересуется избирательным правом? Ну, это несерьезно!

Хорошо, посмотрим на это глазами Лизы. Она встретила студента на катке... О книгах договорились быстро, но ведь о чем-то надо еще поговорить.

Случайно разговор коснулся брака; мой собеседник очень удивился, когда я заметила, что отношусь к нему совершенно безразлично. “Вы рассуждаете, как старуха! Слишком рано вы разочаровались в людях. Непременно надо вам принести Макса Нордау”. – “Что ж, если я так рассуждаю – этому меня научает жизнь”, – грустно сказала я. “Но потом вы можете очень раскаяться”. – “Это почему же?” – “Да потому, что вы вдруг встретите человека, которого полюбите”. Я ожидала это возражение и приготовилась к нему. “Полюбить? Merci, – засмеялась я, – этого никогда не случится”. – “Отчего?” – “Я ни в каком случае не могу рассчитывать на взаимность, а любить так, одной, – против этого восстает мое самолюбие”. – “Но ведь в этом же вы не властны”, – уверенно ответил студент. “Будто бы? Напрасно так думаете: это зависит от самообладания...” Я немного позировала перед ним; не знаю почему, мне иногда доставляет удовольствие казаться хуже, чем есть в действительности.

Очаровательная сценка для характеристики русской провинции эпохи *fin de siècle*! Гимназистка, полагая, что она изображает Одинцову, заигрывает со студентом, напрашиваясь на комплимент. А студент с душевной туповатостью не ведется на эту “игру”, советует умницей, но некрасивой девушке прочитать книгу “Вырождение” норвежского врача Макса Нордау о “дегенеративных типах”. Его оправдывает то, что он не знает, как она страдает из-за своей внешности, рассматривая себя по вечерам в зеркале в ночной рубашке. И как она на самом деле ревнует его к своей младшей сестре Вале, которой он уже увлечен и на которой в конце концов женится. Валя не интересуется Нордау и гражданским правом, она, в сравнении со старшей, наверное, даже глуповата. Но зато у нее в порядке со всем остальным, и она из тех, что позволяют мужчинам чувствовать свое превосходство над женщинами, таким образом кратчайшим путем заманивая их в силки.

Наступит май, растает пруд, засвищут соловьи, и Лиза однажды увидит своего студента с Валей.

Они шли вдвоем по аллее, такие молодые, красивые, стройные: Валя шла, опустив голову, он старался смотреть ей в глаза, и обоим было весело; а я стояла за деревьями и смотрела на них. Вдруг что-то кольнуло меня; я вспомнила, что еще нынче зимой он так же разго-

---

¹⁵ От фр. “suffrage” – избирательное право. Движение за предоставление женщинам равных с мужчинами избирательных прав. Зародилось в Англии во второй половине XIX века.

варивал со мной... хотя немного интересовался мной... а теперь? Слезы навернулись у меня на глаза, и я побежала к пруду, обошла его и, став у забора, могла немного овладеть собой.

Но вернемся к матери... Она, конечно, страдает от того, что ее дочь противится браку по расчету и собирается на курсы в Петербург. О том, что такое учеба и жизнь в столицах, она судит по прошлому покойного мужа и замечает при этом, что Лиза вся пошла в него. Вспомним также, что главным развлечением матери было чтение французских романов, которые формировали ее представления о “столичных нравах”.

Кроме того, обучение на курсах стоит немалых денег. Плата за само обучение составляла 100 рублей в год, но еще 300 рублей нужно было платить иногородним за проживание в интернате, а оно было для них обязательно. Итого: 400 рублей в год.

У Александры Егоровны после смерти супруга и разорения фабрики испортился характер, она вся “на нервах”. Это не та “добрая мамочка”, которую Лиза обожала в Нерехте.

Мать начинает устраивать дочери скандалы и оскорблять при посторонних людях. Лиза пишет в дневнике, что мать однажды при людях предложила ей вместо курсов стать *проституткой*.

О, до какого унижения дошла я! В присутствии постороннего лица в нашей семье мне вдруг нанесли невыразимо тяжкое оскорбление... Я вырвалась из комнаты, почти задыхаясь от рыданий прибежала к себе, надела платок и жакетку и не помня себя выбежала на улицу... Я понимала одно: бежать, бежать скорее из нашего проклятого дома, где родная мать – хуже злой мачехи, где моя гордость взрослой дочери и женщины была унижена до такой степени, до какой я не желаю моему злейшему врагу... И я пошла. Слезы гнева и нервные рыдания душили меня; под темной вуалью и большим белым платком нельзя было видеть моего лица.

Все-таки Лизе важно, как на нее *посмотрели бы*, если бы хоть кому-то было интересно на нее посмотреть.

Но она уже вынесла приговор себе и мужчинам. Да, она – Шарлотта без Вертера, ну что ж!

Как женщина я не существую для мужчин; но и они как мужчины не существуют для меня. Я вижу в них только учителей, т. е. людей, которые знают больше меня и знакомство с которыми может быть приятно и полезно, если я могу извлечь для себя какую-нибудь пользу. Но раз они не могут быть учителями, раз они не стоят гораздо выше меня – тогда они для меня не существуют. Я могу быть знакома с ними, но для меня они не представляют ни малейшего интереса. Я давно твердо убеждена в этом; последние дни только подтвердили мои мысли.

По поводу этой записи хочется возразить известной поговоркой: “Ты сказал – я поверил, повторил – я засомневался, стал настаивать – и я понял, что ты лжешь”.

Но правда та, что к концу ярославского периода своей биографии Лиза Дьяконова была уже стихийной внутренней феминисткой. Она еще не знала этого термина, который впервые использовала социолог Элис Росси в 1895 году, том самом, когда Лизе исполнился 21 год и она распрощалась с Ярославом. Лизе некому было подсказать, что она не одинока в своих терзаниях и слово уже произнесено. Она пришла к этому сама, через свой печальный девичий опыт и специфическое самообразование, вступившее в странные отношения с заложенными в ней с детства религиозными идеалами. Но к совершеннолетию она пришла готовой больше к сражению за свое внутреннее женское достоинство, чем к участию в движении за права женщин, которое она понимала довольно странно.

Я не требую, чтобы женщины имели одинаковые права с мужчинами, чтобы оба пола служили в присутственных местах, управляли государством; нет, для этого и мужчин достаточно.

Но дайте женщинам более широкую сферу деятельности, право человека вообще; его право на развитие ума и сердца дайте тем, кто не имел возможности вступить в брак и должен сам зарабатывать себе пропитание. А если между такими женщинами окажутся из ряда вон выходящие по уму и таланту – не притесняйте их и дайте им все средства развиваться свободно... Смею думать, что и за всем тем останется достаточно женщин, которые будут выходить замуж...

Но когда родная мать прижала ее к стене, предложив ей конкретного жениха, Лиза взбунтовалась!

Недавно она пришла ко мне: “Вот вы (сестры. – *П. Б.*) жалуетесь на меня, что я не говорю вам ничего. Есть жених, получает 150 рублей в месяц, ищет невесту. Не хочешь ли выйти замуж?” Я молча указала маме на комнаты братьев, которые слышали все ее слова, но она как будто не видела моего жеста и продолжала еще громче: “Получает 150 рублей... мне хвалили его...” Я встала и тихо, чтобы не слышали дети, сказала: “Прошу раз навсегда не говорить мне ничего подобного. Дайте мне лучше разрешение поступить на курсы”.

Мать ушла от Лизы оскорбленная. Ее “изящная, девически стройная фигура с красивым тонким лицом исчезла за дверью”.

Но и это не все. Лиза Дьяконова фактически отказала в общении Пете, который после того разговора в Кускове сначала прислал ей свою фотокарточку с запиской: “Лиза, посылаю свою фотокарточку и прошу на меня не сердиться. Желаю всего хорошего, Петя”, – а затем и сам приехал к ней в Ярославль, встретился с ней в ее доме и просил ее хотя бы возобновить с ним переписку. “Я тотчас же решительно отказалась”. Но почему?! “А этого он не должен знать: моя гордость возмущается при одной мысли, что человек, меня не понимающий, узнает мою душу, с недоумением пожмет плечами и отойдет, пожалуй, даже с насмешкой. Нет, нет! Не надо!”

Шарлотта осталась без Вертера.

Сестры

Пьеса Чехова “Три сестры” написана в 1900-м, в последний год XIX века. Есть что-то символическое в ее появлении именно в это время. Она как бы подводила итог женской эмансипации XIX столетия.

Все три сестры, Ольга, Маша и Ирина, молоды и по-своему интересны и привлекательны. Старшей сестре, Ольге, в первом действии – 28 лет. (Лизе Дьяконовой в 1900 году исполнилось 26 лет.) Вокруг них выются мужчины, которых объединяет только оно: все они – военные. Сестры не бедны, красиво одеваются и принимают в доме гостей. Но они и не богаты настолько, чтобы жить свободно и самостоятельно и уехать в Москву, куда они так рвутся (“В Москву! В Москву!”). Основная часть наследства, доставшегося от покойного отца, бригадного генерала, когда-то вынужденного переехать с семьей в провинцию, перешла к брату Андрею, а его прибрала к рукам расчетливая жена Наташа. Сестры умны и получили гимназическое образование. Старшая сестра Ольга становится начальницей женской гимназии. Средняя, Маша, замужем за гимназическим учителем, но не любит его и влюбляется в батарейного подполковника Вершинина. Младшая сестра Ирина настолько привлекательна, что служит причиной нешуточных мужских страстей. За ее руку и сердце в буквальном смысле бьются капитан Соленый и барон Тузенбах. Соленый убивает Тузенбаха на дуэли...

Это пьеса о несбывшихся мечтах. Москва – символ этих мечтаний. Но почему их жизнь не удалась, как и у всех остальных героев пьесы, кроме “мещанки” Наташи? Да потому что “скучно”! В настоящем нет ничего интересного! Все лучшее только в будущем, а это будущее почему-то не наступает.

В первом действии героини еще полны надежд и произносят восторженные монологи.

Ирина: “Я не знаю, отчего у меня на душе так светло!.. Точно я на парусах, надо мной широкое голубое небо и носятся большие белые птицы!”

Во втором – чувство безысходности.

Вершинин: “Счастья нет, не должно быть и не будет для нас... Мы должны только работать и работать...”

За сценой полыхает пожар и бьют в набат, но если даже это и зарево будущего, то не для сестер.

Ирина: Куда все ушло?!.. Никогда, никогда мы не уедем в Москву... Я в отчаянии, в отчаянии!..

Маша: Неудачная жизнь.

Ольга: В Москве, значит, не быть.

Если использовать пьесу Чехова как матрицу русской жизни конца XIX века и наложить ее на ситуацию в доме Дьяконовых 90-х годов, то мы увидим немало совпадений. Три сестры – Лиза, Надя и Валя. Самая умная и самая непривлекательная Лиза – это в будущем Ольга. Ольга сделала предельно возможную для женщины того времени карьеру, став начальницей гимназии. Такая же перспектива, в лучшем случае, ждет и Лизу.

Но Ольга несчастна! Ей не нравится преподавать в гимназии, от этой работы у нее только головные боли.

Младшая сестра Ольги Маша пожертвовала карьерой ради замужества. Когда-то Кулыгин казался ей “ужасно ученым, умным и важным”. Теперь же Маша не любит его и страдает в обществе его товарищей-учителей, а сама мается от безделья.

Сестра Лизы Валя тоже станет “жертвой” мужчины, который казался ей “умным и важным”. Во всяком случае, жертвой ее считала Лиза. Это был тот самый студент, которого наняли репетитором к брату Лизы и который снабжал ее “нехорошей” литературой.

В дневнике студент зашифрован под буквой В*. На самом деле – это был Валентин Федорович Катрановский.

Он появился в доме Дьяконовых в начале 1894 года, когда Лизе было 19 лет, а Вале – 17. По традиции того времени, если в доме, где было несколько сестер, появлялся перспективный жених, то негласное первоочередное “право” на него имела старшая сестра. Так, по крайней мере, рассуждали родители. И если жених выбирал не старшую, а младшую по возрасту, то для старшей это было вроде оскорбления и ущерба для ее “репутации” невесты.

Хотя Лиза к этому времени уже твердо решила не выходить замуж, купеческое воспитание все-таки было в ней сильно. И женская природа требовала своего. Лиза присматривалась к Валентину Катрановскому как возможному жениху. Тем более что их умственные интересы совпадали.

Чем больше я присматриваюсь к студенту, тем более нахожу, что он – взрослый ребенок, хороший, умный, но... все-таки ребенок. Все мы забавляемся с ним как дети. Он называет меня злой, капризной, я смеюсь и очень довольна... И этот вечер вместе с сестрами мы провели очень весело, много шутили, но... особенное чувство, уже давно забытое, точно вновь проснулось во мне, и мне нисколько не было ни смешно, ни весело. Если б я была другая, то не задумалась бы объяснить это тем, что влюблена, но для меня это невозможно, и я не такая. Так почему же это, почему?

Потому что для любви не было взаимности, а влюбиться безоглядно и безнадежно ей не позволяла гордость. В итоге она оказалась поверенной в душевных делах Вали.

В свою очередь Лиза, по-видимому, имела очень сильное влияние на младшую сестру, которая оказалась между двух огней – Лизой и Катрановским. Она была милой, наивной, простодушной. Такой она видится в дневнике.

Моя сестра, несмотря на свой 17-летний возраст, читала все романы Зола и Гюи де Мопассана, и я помню, как часто мы возмущались бездной порока и разврата, описываемой так откровенно Мопассаном, невольно чувствуя отвращение к этим “порядочным молодым людям”, которые на нас женятся... “Знаешь ли, когда я думаю о В* – мне легче на душе; ведь все-таки не все люди такие”, – сказала Валя. “Ты думаешь, что он еще невинен?” – “Да, конечно. Он – такое дитя природы и ведет строгую, умеренную жизнь; он мне кажется таким чистым...” Я засмеялась. Валя остановилась: “Что ты?” – “Успокойся, милая, он нисколько не лучше других, но это ничего не значит, что он «дитя природы», по твоему мнению”. – “Ка-ак? Он, думаешь ты, испорчен? О, нет, Лиза, не разочаровывай меня, я хочу верить, я не могу...” Валя смотрела на меня умоляющими глазами, и все ее хорошенькое личико выражало страх перед тем, чего она не хотела знать. Ее чистое, молодое существо готово было возмутиться моими словами, которые разрушали ее веру.

Это – забавно! Лиза занимается сексуальным просвещением сестры и пытается ее “успокоить”. При этом она сама в начале 1894 года билась в истерике и говорила подруге Кате, что мужчины не имеют права на ранний сексуальный опыт.

Надо полагать, Лизе, а не самой Вале пришла в голову идея, что Вале тоже не место в “душном” Ярославле и ей тоже нужно поступать на курсы. Когда Александра Егоровна, отчаявшись убедить старшую дочь не прыгать выше головы и выйти замуж, в педагогических целях позвала в дом старшего родственника, чтобы он по-мужски поговорил с Лизой, та во время разговора набрала в рот воды, потому что всё для себя давно решила. Слово взяла Валя.

Вот вы против курсов, дядя, а между тем посмотрите, как время идет вперед. Наша бабушка умела читать и писать, а своих дочерей она уже в гимназию отдавала; они не кончили

курса, но мы, их дети, уже кончили курс. Следовательно, вполне естественно, что мы хотим идти на курсы, а наши дочери должны будут получать беспрепятственно высшее образование.

В этих “смелых” мыслях провинциальной девушки (внушенных Вале старшей сестрой) тем не менее было одно слабое звено. Валя смотрела на высшие курсы как на продолжение “дела” Дьяконовых и не мыслила своего будущего без мужа и детей. А вот Лиза смотрела на вещи куда более радикально.

Поэтому когда Катрановский сделал Вале предложение, Лиза активно вмешалась в судьбу младшей сестры. Она не позволила Валентину и Валентине решить этот вопрос без ее участия. И здесь мы имеем дело с очень интересной ситуацией.

Вторая половина XIX века была эпохой фиктивных браков. Об этом главным образом и написан знаменитый роман Николая Чернышевского “Что делать?”, который не меньше, если не больше, оказал влияние на умы молодых людей, чем “Крейцера соната”. Только это было влияние в разные стороны. Начитавшись “Крейцеровой сонаты”, молодые люди отказывались от браков и продолжения рода, исходя из того, что в основе семьи лежит нечистый половой инстинкт. Начитавшись “Что делать?”, молодые люди, наоборот, энергично вступали в браки. Но только для того, чтобы освободить девушек от опеки и гражданского бесправия.

Однако провинция есть провинция! Лиза, скорее всего, не читала “Что делать?”. Этот роман не мог оказаться в библиотеке ее матери, потому что автор его был государственным преступником. С 1864 по 1871 год он провел на Нерчинской каторге, а потом до 1883-го жил на поселении в Вилуйске. Даже упоминания о романе нет в дневнике ярославской гимназистки, которая интересовалась всем на свете. И о фиктивных браках она узнала поздно, в конце 1894 года, когда ей было 20 лет. Если бы она узнала об этом раньше, неизвестно, как повернулась бы ее судьба.

Эту новость сообщил ей другой студент, по фамилии Э-тейн. Как она познакомилась с ним, Дьяконова не пишет, но почему-то она была с ним предельно откровенна и рассказала, как страдала все годы после окончания гимназии, дожидаясь полного совершеннолетия, чтобы поступить на Высшие женские курсы. Студент сильно удивился! “«Да это целый роман, – смеясь, воскликнул он. – Героиня за четырьмя стенами, не знающая действительной жизни». – «Да, героиня без героя», – подтвердила я”.

Тогда Э-тейн объяснил ей, какую возможность она упустила из-за своего незнания “действительной жизни”, даром потеряв три года жизни. “«Ну, вы написали бы письмо какому-нибудь студенту с просьбой избавить вас от такой обстановки». – «Как? что вы говорите? писать студенту? – искренне удивилась я (подобная мысль и в голову не могла мне прийти – до того во мне были сильны привитые воспитанием понятия о приличиях). – Да зачем же?» – «Да затем, что он по-человечески должен был бы помочь вам, как всякий благородный человек». – «Но... писать студенту, ведь это неприлично», – возразила я. «Э-э, бросьте вы там ваши прилично и неприлично; идти напролом – вот и все!»”

В тот день Лиза вернулась домой в радостном настроении. У нее будто глаза заново открылись. Испытывать этот вариант на себе было уже поздно и незачем. Но в апреле следующего года Катрановский сделал предложение Вале.

Из дневника Лизы нельзя толком понять, кто все-таки был главным инициатором этой невероятной брачной аферы, с помощью которой две сестры решили одним выстрелом убить несколько зайцев. (В результате подстрелили одного, и не того, в которого целились.) Но, сопоставляя характеры двух сестер, можно предположить, что душой заговора была Лиза, у которой незадолго до этого состоялся разговор с Э-тейном. Только в данном случае речь шла не о фиктивном браке, а о женитьбе по любви, но как бы с *отложенными семейными обязанностями* – модель, которая была испытана героями “Что делать?” Лопуховым и Верой Павловной. Катра-

новский должен был жениться на Вале, но *не жить с ней*, позволив ей сперва выучиться на Высших женских курсах.

Как это себе представляли молодые люди, страстно влюбленные друг в друга, нам не известно.

Катрановский заявил Александре Егоровне, что делает предложение ее младшей дочери, но поскольку она хочет продолжить обучение, готов отложить венчание на год, чтобы Валя могла поехать в Петербург и поступить на курсы. Через год он на ней женится. Необходимо только согласие матери невесты.

Согласие на что? Брак или учебу? Александра Егоровна поняла, что ее водят за нос. “На такое условие я никогда не буду согласна. Она – моя дочь и должна жить со мною. Я ее никуда не пущу учиться. Свадьба должна быть без всяких условий, тогда муж будет ее попечителем, и я не буду касаться дочери”.

Тогда хитрость молодых людей пошла еще дальше. Они сказали матери, что свадьба состоится. Но Валентин “твердо решил не отступать от своего намерения дать Вале полную свободу по выходе замуж”. “Я ее устрою на курсах, а сам потом уеду домой...”

Он говорил это просто и уверенно, и лишь едва удалось мне подметить грустную нотку в его голосе, как говорят люди, пришедшие к какому-либо окончательному решению. Нет сомнения, что он говорил о браке, но о таком, который сначала должен быть фиктивным. Меня тронуло такое благородство человека, а Валя ценит его безгранично... Теперь осталась одна практическая сторона дела...

Это невозможно читать без улыбки! Валя и Катрановский надеялись соединить две совершенно разные “модели” поведения женщин в обстоятельствах того времени. Первая модель – “тургеневская” – это женитьба Аркадия Кирсанова на младшей сестре Одинцовой Кате, с тем чтобы, образно выражаясь, жить с ней долго и счастливо и умереть в один день. Вторая, “чернышевская” модель – это женитьба Лопухова на Вере Павловне, с тем чтобы ее “освободить”, а затем дать возможность выбрать мужчину по своему вкусу. Таким мужчиной стал не Лопухов, а Кирсанов.

Чернышевский, конечно, не случайно дает герою ту же фамилию, что и Тургенев. Вера Павловна нашла *своего* Кирсанова. Но, в отличие от тургеневской Кати, она сделала этот выбор свободно и сознательно, прежде *пожив* с другим.

Не может быть никакого сомнения, что Катрановский если и не читал “Что делать?”, то слышал об этом романе. Трудно представить, чтобы студент, знакомый с работами Макса Нордау, не знал романа, который был “катехизисом” русского студенчества второй половины XIX столетия. Этим романом зачитывались молодые Владимир Ульянов (Ленин) и Владимир Маяковский, при том что разница в их возрасте была больше 20 лет. Об осведомленности же студентов ярославского Демидовского лицея можно судить по тому факту, что это они в свое время познакомили молодого Алексея Пешкова (Горького) со взглядами Ницше.

Но сестры Дьяконовы этого романа не читали. Причем, зная развитый эстетический вкус Лизы и ее представления о нравственной чистоте, можно представить себе, с каким чувством она читала бы этот роман. Он бы ей не понравился!

Что касается Вали, наивность ее представлений о замужестве и мужчинах изумила даже Лизу.

Сестра сказала мне, что ей едва ли придется поступить на курсы, потому что В* будет ее мужем. Так как я была убеждена, что их брак будет на время фиктивным, то я с удивлением спросила ее: “Почему ты так думаешь?” – “Это же видно из его письма: он пишет о поцелуях”. – “Ну, так что ж? Он хочет сделать тебя своею женою”, – спокойно заметила я. “Как? Да неужели

ты не знаешь, что это и есть настоящий брак? Разве ты не понимаешь, что если он будет меня целовать, то это и значит, что мы сделаемся настоящими мужем и женою!” Широко раскрыв глаза и не веря своим ушам, слушала я Валью. 18-летняя девочка, читавшая все прелести Зола, Мопассана и других им подобных, “Крейцерову сонату”, горячо рассуждавшая о нравственности и уверявшая меня, что она уже давно “все знает”, – эта девушка, дав слово В*, не знала... что такое брак! Иногда я заговаривала с ней по поводу читаемых романов, и моя сестра всегда так горячо и авторитетно рассуждала, так свободно употребляла слова, относящиеся к самой сути дела, что мне и в голову не могла прийти подобная мысль. И вдруг случайно, почти накануне свадьбы, я узнаю от нее, что она еще невинный младенец, что она... не понимает и не знает ничего. “Валя, послушай, ну вот мы с тобой читали, иногда говорили об этом... Как же ты понимаешь?” – “Конечно, так, что они целуются... от этого рождаются дети – точно ты не знаешь?” – даже с досадой отвечала сестра. Я улыбнулась. “Что же ты смеешься? Разве есть еще что-нибудь? Разве не всё? Мне одна мысль о поцелуях противна, а ты смеешься!”

В этот миг Лизе сделалось страшно. “Таким образом, выходя замуж, сестра была похожа на овцу, которая не знает, что ее через несколько времени заколют. Я слыхала и раньше, что ужаснее этого ничего нет”. Она решила заменить сестре мать, “усадил Валью подле себя и тихо-тихо объяснила ей все”.

Валя была потрясена! “Перед ней отдернули занавес жизни, и, смутно соображая, она поняла”.

На самом деле *понять* нужно было не Вале, а самой Лизе. Она, как старшая, должна была *понять*, что напрасно она увлекала за собой сестру на женские курсы.

Не для нее был этот путь.

Империя чувств

Надо думать, в это время Лиза не раз проклинала судьбу за то, что родилась в конце лета, в августе. Четыре года томительного ожидания после окончания гимназии завершились тупиковой ситуацией 1895 года. Дьяконова подавала документы в Петербург, все еще не вступив в возраст полного совершеннолетия. Ведь учеба на курсах начиналась в сентябре, подавать документы нужно было заранее. А 21 год Лизе исполнился только 15 августа...

9 апреля 1876 года российские ученые и педагоги А. Н. Бекетов, А. Л. Боровиковский, А. Я. Герд, А. Н. Страннолюбский и другие, а также деятельницы женского движения Н. В. Стасова, О. П. Рукавишникова, В. П. Тарновская, О. А. Мордвинова, С. В. Ковалевская, В. Д. Самарская-Быхолец, М. К. Цебрикова и З. Ю. Яковлева подали прошение на имя министра народного просвещения Д. А. Толстого с просьбой разрешить открытие в Петербурге Высших женских курсов с учебным планом, который соответствовал бы университетскому. Министр дал такое согласие при условии, что это будет частное заведение, открытое на имя одного из профессоров, который сможет обеспечить им надлежащее направление и нести за них ответственность. 23 апреля 1877 года профессор Петербургского университета К. Н. Бестужев-Рюмин в письме к министру выразил готовность взять на себя учреждение курсов.

Первые Высшие женские курсы (первое высшее учебное заведение для женщин в России) были торжественно открыты 20 сентября 1878 года. По имени их основателя и первого директора они неофициально назывались Бестужевскими. Первоначально было три отделения: словесно-историческое, физико-математическое (естественное) и специально-математическое. В числе их организаторов и первых преподавателей были известные ученые: Бекетов, Бестужев-Рюмин, Бутлеров, Менделеев и другие. Это задавало высокий уровень образования, который, как отмечали современники, был едва ли не выше университетского.

Но условия приема на курсы были непростыми и к тому же менялись со временем. Курсы были частными, и, несмотря на то что многие профессора преподавали там бесплатно, обучение и проживание в интернате стоили дорого и были неподъемны для девушек из небогатых семей. Но они-то главным образом и стремились на курсы! Не только ради свободы от семейного деспотизма, но и по экономическим соображениям. Образованная женщина имела больше возможностей найти себе квалифицированную работу. Для поддержки бедных слушательниц создали Общество для доставления средств высшим женским курсам. Материальную помощь оказывали филантропы, включая известных писателей и артистов, которые устраивали благотворительные вечера и концерты в пользу “бестужевок”. “Всемирным” строилось и здание для Бестужевских курсов на Васильевском острове.

Оно было построено в 1885 году. А в 1886-м курсы признали “безусловно вредными” и закрыли. Это было связано с политической ситуацией, сложившейся после убийства 1 марта 1881 года Александра II. Решение о закрытии курсов принял тот же Д. А. Толстой, который в 1876 году давал на них разрешение. После теракта и перестановок в правительстве граф Толстой стал министром внутренних дел, а Министерство народного просвещения возглавил И. Д. Делянов, до этого бывший директором Императорской публичной библиотеки. Делянов считался ставленником одновременно Д. А. Толстого и К. П. Победоносцева. Он проводил в сфере образования консервативную линию. Бестужевские курсы считались рассадником не просто либеральных, но революционных настроений. Строго говоря, сама идея высшего женского образования в России уже была революционной. Она опережала и настоящие возможности трудоустройства женщины по окончании курсов, и общее настроение общества, которому женский идеал представлялся прежде всего в образах жены и матери. Любопытно, что именно на Бестужевских курсах впервые в России было принято обращение “товарищ”.

Среди слушательниц курсов оказались две сестры Ленина – Анна и Ольга, а также будущая супруга вождя российского пролетариата – Надежда Крупская. Среди выпускниц – радикальный литературный и театральный критик, издательница Любовь Гуревич, актриса и жена Александра Блока Любовь Менделеева, будущие советские писательницы Ольга Форш, Елена Тагер и Анна Караваева, советский историк-медиевист, член-корреспондент АН СССР Ольга Добиаш-Рождественская и другие выдающиеся женщины.

В 1889 году под давлением общественности курсы было разрешено открыть, но в качестве временной меры. По “Временному положению” они оставались учебным заведением, не дающим выпускникам никаких прав для устройства на работу – только аттестат о высшем образовании. Условия приема стали еще более строгими, выросла плата за обучение и проживание в интернате. Ежегодный прием определялся в 150 человек, но число желающих оказалось значительно больше. В 1895 году оно дошло до 400 человек. По ходатайству директора курсов Н. П. Раева министр народного просвещения разрешил увеличить общее число слушательниц до 600. К началу 1895/96 учебного года их было 695.

Дьяконовой повезло! 1895 год стал прорывным для высшего женского образования в России после почти десятилетия царствования в этой области запретительных тенденций. Но...

Кроме аттестата об окончании женской гимназии, необходимо было предоставить свидетельство о наличии “достаточных средств для безбедного существования” во время учебы. С аттестатом у Дьяконовой было все в порядке. Она закончила гимназию с серебряной медалью, что давало ей право на внеконкурсный прием. Но с документом о наличии достаточных средств возникли трудности... Такие средства у девушки были, она имела право на часть отцовского наследства. Но эту часть Лиза могла получить по достижении 21-летнего возраста. Либо... выйдя замуж.

Это был замкнутый круг.

Хлопоты по сбору нужных бумаг она начала еще в феврале 1895 года. Лиза делала это тайне от матери, не без основания подозревая, что мать может сделать ей подножку в любой момент. Александра Егоровна была вся *на нервах*, ее поступки были дики и непредсказуемы.

В феврале 1895 года у Дьяконовой были все необходимые бумаги, кроме трех документов: свидетельств о политической благонадежности и безбедном существовании и разрешения от родителей для поступления на курсы. Последняя бумага не требовалась от совершеннолетних, но, подавая документы, девушка еще не являлась таковой. И здесь мы имеем возможность познакомиться с бюрократической машиной Российской империи конца XIX столетия.

Для подтверждения своей политической благонадежности Дьяконова ни мало ни много отправляется к самому губернатору. Он принимает ее. “Разговор был весьма короток: «Вы кто такая? Для чего вам нужно свидетельство о политической благонадежности? Кажется, за вами ничего дурного не известно, подайте прошение». Чиновник особых поручений обещал, что свидетельство вскоре пришлют ко мне на дом”.

Но это грозило нарушить покров тайны, под которым девушка собирала документы за спиной матери. И действительно: полицейский пришел в дом, когда Лизы там не было. Но она заранее предупредила горничную, чтобы та ничего не докладывала матери, если принесут документы. Помощник пристава сказал горничной, чтобы Лиза сама явилась в полицейскую часть. Когда Лиза пришла домой, мать спросила ее: зачем приходил офицер? Она солгала, будто он приходил сказать, что уезжает ее подруга Маня, которая учится на курсах в Петербурге и просит ее проводить. Под этим предлогом Лиза снова ушла из дома и пошла за бумагой в полицию.

С одной бумагой было покончено. Но как быть со свидетельством о безбедном существовании? Его не выдавали в полиции. Там выдавали только свидетельства о бедности. Тем

не менее Дьяконова идет туда, потому что боится прямо обращаться в Сиротский суд¹⁶, под опекой которого находится ее имущество. Однако этот номер у нее не проходит. “Но как же полиция может выдать вам такое свидетельство о безбедном существовании? Ведь ей же неизвестно, какие вы имеете средства; при том – сегодня вы живете безбедно, завтра – нет; сведений о вашем имущественном положении мы не имеем... Единственно, что может вам выдать полиция, это свидетельство о том, что вы не обращались за помощью ни в какие благотворительные учреждения. Но такое свидетельство для вас недостаточно, потому что в том, какое вам требуется, нужно удостоверение о ваших средствах”.

Тогда Дьяконова нехотя признается, что она – несовершеннолетняя и находится под опекой Сиротского суда. “Тогда – чего же лучше, обратитесь в Сиротский суд”. Но Лиза подозревает, что Сиротский суд не выдаст такого свидетельства без согласия матери. Она опять пытается схитрить: “«Нельзя ли полиции навести справки в Сиротском суде и выдать свидетельство на основании тех сведений, которые она оттуда получит?» Нет, нельзя... «Сиротский суд может отказать полиции в справке, потому что это ее не касается. Советую вам прямо обратиться к секретарю Сиротского суда, он вам все скажет...» Делать нечего – пошла в Сиротский суд”.

Может показаться странным, что такой щепетильный вопрос Лиза пытается решить через полицию, а не через Сиротский суд, охраняющий ее права. Однако ничего удивительного в этом не было. Сиротский суд охранял ее права в том числе и от нее, пока она не достигла совершеннолетия.

Между тем в полиции к Лизе отнеслись с таким участием, что полицейский чиновник сам вызвался написать ей прошение в Сиротский суд в необходимом виде.

Впрочем, везде к желанию Дьяконовой поступить на Высшие курсы отнеслись с участием и пониманием. Это говорит о том, что косность дореволюционной государственной власти в отношении к женщинам сильно преувеличена. Скорее можно сказать о другом. Все представители государственной бюрократии, а это были, само собой, одни мужчины, воспринимали положение Дьяконовой с *горячим сочувствием* и делали для нее все, что было в их силах. Приходя в присутственные места, она в некотором роде оказывалась даже в привилегированном положении именно потому, что была *женщиной* и, следовательно, *бесправным* существом.

Полицейский чиновник по собственной инициативе написал за нее прошение в Сиротский суд. Там ее тоже встретили с распростертыми объятиями. Секретарь Сиротского суда был знакомым ее семьи. Лиза боялась, что он донесет матери.

Каково же было мое удивление, когда я совершенно неожиданно встретила с его стороны самое живое сочувствие. “Желаю вам успеха. Вам, конечно, надо поскорее иметь это свидетельство? Бумага будет готова дня через два. С таким делом медлить нечего – чем скорей, тем лучше. Желаю успеха!” В восторге, что мне удалось так легко и просто устроить дело, я уже собиралась уходить, как вдруг секретарь, перевернув страницу и увидев только мою подпись – несовершеннолетняя Е. А. Д., – удивленно спросил: “А где же подпись вашей попечительницы?” Этого я не ожидала. “Подписи нет, и мама никогда не подпишет подобной бумаги”, – решила сказать я. “В таком случае Сиротский суд не может вам выдать этой бумаги! Почему же ваша матушка не соглашается подписать ее? Разве она против этого?” – “Да, мама не дает своего согласия на поступление на курсы”. – “Но почему же? Это – такое благое дело, что я сам, если бы была возможность, отпустил бы с радостью своих дочерей! Удивительно не давать согласия на такое хорошее дело; ведь в тысячу раз лучше учиться, нежели сидеть здесь, в провинции, сложа руки, и ничего не делать!”

---

¹⁶ Учреждение, заведовавшее опекой над лицами городских сословий. К ведомству Сиротского суда относилось попечение о сиротах и вдовах.

И вновь Лизе пришлось объяснять ситуацию. Бумага нужна сейчас, а совершеннолетней она станет через пять месяцев. Это только вопрос времени...

“Что же мне теперь делать?” – с отчаянием воскликнула я. Добрый секретарь глубоко вздохнул. “Очень, очень жалею, я сочувствую вам, потому что нахожу ваше желание прекрасным. Постараюсь сделать для вас все, что могу. Вы все-таки подайте это прошение и приходите дня через два за ответом: или вам выдадут свидетельство, или возвратят обратно прошение”. Простившись, я вышла из суда совершенно растерянная...

Свидетельства ей не дали.

Вроде бы все были на ее стороне, от горничной до губернатора, от полицейского до секретаря Сиротского суда. Все, кроме матери. Но закон стоял на стороне матери...

В это время ее подруга Маня, уже ставшая “бестужевкой”, навела в Петербурге свои справки. И вдруг в конце марта выяснилось, что для подачи документов на курсы Лизе не нужно ни разрешения родителей, ни справки о безбедном существовании, которую можно будет представить уже после поступления. Это в провинции все сложно, а в столице – просто! Лизу с нетерпением ждут на курсах, потому что она серебряная медалистка.

Окрыленная Дьяконова отправила документы в Петербург, решив, что она победила свою мать.

Изучая биографию Дьяконовой ярославского периода, приходишь к неожиданному выводу. На пути развития этой необычной русской феминистки ей помогали *мужчины*, а мешала *женщина*. Да, закон был не на ее стороне. Но на ее стороне были все, кто законы исполнял. В борьбе Лизы за право на образование ей помогали не только вольнодумцы-студенты, снабжавшие ее передовой литературой, не только либеральные адвокаты, знакомившие с запрещенной “Крейцеровой сонатой”, но и чиновники всех рангов... Против была только родная мать!

Даже бабушка Ираида Константиновна смирилась с тем, что внучка поедет учиться в Петербург, и “весьма благосклонно” расспрашивала ее об этом.

Милая бабушка! Нет сомнения, что мое печальное семейное положение заставляет ее иначе смотреть на все: она ясно видит, что мне в семье оставаться невозможно. Отчуждение матери от нас, дочерей, дошло до крайности: мы редко встречаемся, не говорим с ней ни слова.

Лиза “прекратила всякие сношения с матерью, ограничиваясь ответами «да» и «нет», когда было необходимо”.

Отправив документы в Петербург, она боялась только одного: что это узнает родня и “кто-нибудь посоветует маме воспользоваться правом попечительницы и потребовать мои бумаги обратно”.

Ей начинают сниться кошмары.

Кто-то перерезал мне жилу на ноге – это была моя казнь, – и кровь полилась; я упала на колени, закрыла лицо руками и повторяла только: Господи, помилуй меня! Я чувствовала, как с каждой минутой теряю более и более силы, как вместе с кровью, которая лилась ручьем, – мало-помалу исчезала жизнь. В глазах пошли зеленые круги, я зашаталась... “Это конец” – промелькнула у меня последняя, неясная мысль. Все кругом померкло, и я полетела в темную бездну...

Накануне своего совершеннолетия она хочет сбежать в Нерехту или в Москву, только бы не отмечать день рождения вместе с матерью! Но родня убеждает Лизу остаться. 15 августа утром мать приходит к ней с поздравлениями.

Утром мама, крепко обняв меня, поздравила, заплакала и вдруг начала целовать без конца с какою-то страстной нежностью. Я стояла неподвижно, опустив руки... Я, которую до глубины души трогает всякая неожиданная ласка, чувствовала, что внутри ничто не шевельнулось, что нет ответа на эти ласки.

Она даже не смогла заставить себя обнять маму, лишь “вежливо благодарила ее за подарок и поздравление”.

Накануне Лиза была на Всенощной. Она “молилась так, как редко приходится: без слов, даже мысленно не высказывая ничего, я стояла перед иконой и грустно смотрела на нее. Чем больше я молилась, тем сильнее становилась уверенность, что всё кончится хорошо, что я поступлю, меня непременно примут”.

Месть матери

Бюрократия – самая иррациональная вещь в мире! На бюрократической лазейке построен сюжет первого великого русского романа – “Мертвые души”. Его герой, Павел Иванович Чичиков, мог бы стать богатым помещиком, владельцем сотен душ крепостных, которых уже не существовало на земле. Единственное, что помешало Чичикову, – болтливость Коробочки.

Подавая документы на курсы, Лиза тоже надеялась проскочить в бюрократическую лазейку. Формально, как несовершеннолетняя, она не имела права на поступление без согласия матери, но на курсах готовы были закрыть глаза на это. И все бы сошло Дьяконовой с рук – если бы не ее родная мать.

Но сначала представим себе, что испытывала эта девушка четыре года, проживая в Ярославле после окончания гимназии. Ничего не делая, состоя на иждивении матери, не имея возможности уехать на учебу в Петербург, да и просто куда-то уехать и устроиться на работу, чтобы жить самостоятельно.

Все, на что она имела право в течение четырех лет, это замужество. После венчания мать передала бы свои права над дочерью мужчине, который согласился бы их взять, по любви или по расчету – неважно. Для Лизы это было неважно. Вернее, стало неважно с того времени, когда она поняла, что не привлекает мужчин как женщина. Слишком умна и не слишком красива.

И вот четыре года (!) мать фактически издевалась над дочерью, отказываясь поставить в формальной бумаге свою закорючку. Держала на коротком поводке, выжидая, пока не выдержит, сломается и согласится на брак по расчету.

За эти четыре года Лиза формировалась как личность. Она формировалась как девушка. В ней закладывались основные черты характера, которые будут определять ее поведение в будущей, свободной жизни. Все-таки относительно свободной, потому что выбор для этой свободы действий и с наступлением ее совершеннолетия оставался невелик. Собственно, выбора и не было. Были только Бестужевские курсы. Но и туда ее сначала не приняли.

Письмо из Петербурга пришло 20 августа. Лизы не было дома. Когда она возвращалась, то встретила сестру, которая закричала ей: “Лиза, иди домой скорее, пришла бумага с курсов!” Обе были уверены, что это первая бумага, которая оттуда пришла. “Я вошла прямо в залу, в комнату мамы; толстый пакет лежал на столе. «Что это тебе прислали?» – спросила мама...”

Лиза схватила конверт и побежала в свою комнату. “Руки у меня опустились, я села в кресло... Не надо было и вскрывать конверта, чтобы убедиться в его содержимом. Машинально разорвала я его – мой диплом и другие документы упали ко мне на колени; выпала и маленькая бумажка, которой извещали меня, что я не принята на курсы «за неразрешением моей матери»”.

Опустим сцену, где Лиза рыдала и говорила сестрам, что уедет за границу, бросит их, и пусть они на нее не обижаются. Наконец, она решила последний раз просить у матери разрешение на поступление. “Я пошла к матери... Но разве когда-нибудь ее железная воля могла быть сломлена? Холодный отрицательный ответ; ироническое: «Поезжай, куда ни сунься, без согласия матери тебя не примут». Оставалось решить, когда ехать в Петербург. Решила завтра. Весь вечер пролежала у себя в комнате в каком-то полусонном состоянии и не могла ни двигаться, ни говорить...”

Вдруг она поняла, что не выдержит пытки до завтра, и стала быстро собираться в дорогу. Сестра Надя решила ехать с ней. Пытались уйти из дома незаметно, черным ходом, но на лестнице караулила горничная, специально подосланная матерью. “«Пожалуйста к мамаше», – сказала мне моя дуэнья. Я быстро и решительно вошла в залу. По дорожному костюму дочери мать сразу поняла, что происходит. В гостях у нее был чиновник из Сиротского суда, но

она не постеснялась обсуждать это при постороннем. «Куда ты едешь?» – «В Петербург», – твердо отвечала я, сама удивляясь странной звучности моего голоса. «Как, и не простившись со мной?» – продолжала мама тем же удивленным тоном. Я отлично видела притворство и ничего не отвечала. «Зачем ты едешь?» – продолжала мама, нарочно разговаривая при постороннем о семейном деле. «Мне пора», – сказала я и повернулась, чтобы выйти. «Как ты можешь... без спросу?» – слышала я вслед”.

Опустим приезд в Петербург, в котором Лиза оказалась впервые, но ничего вокруг себя не замечала. Кроме Исаакиевского собора, куда поехала в первую очередь, чтобы помолиться перед тем, как решится ее судьба. “Я быстро вошла в собор, упала на колени в темном углу и пробормотала горячую, бессвязную молитву; потом бросилась на первую попавшуюся конку”.

В здании № 3 на 10-й линии Васильевского острова, где находились Бестужевские курсы, ее встретили два ливрейных швейцара. Директора не было на работе, и ее отправили к секретарю.

Молодой человек сидел у письменного стола и писал. Он весело и любезно осведомился, кто я такая, и, узнав, как меня зовут, воскликнул: “А, это вы! знаете ли, у нас из-за вас возникло целое дело!” Я с недоумением посмотрела на него. “Дело в том, что вы были приняты...” – “Позвольте, как же это? – прервала я его. – 20 числа я получила бумагу с отказом”. – “Вот именно. А между тем вы были приняты, и вам была послана повестка 9 августа. Но мы получили письмо от вашей матери: она перехватила эту повестку и написала нам, чтобы директор не принимал вас, потому что она, вследствие разных домашних обстоятельств, запрещает вам поступать на курсы. Тогда мы выслали вам бумаги обратно, с отказом”. Я слушала его молча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.